

АЛЕКСАНДР КУДЕЛИН

НЕУСТАВНЯК

**ДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Куделин

Неуставняк-1

«Автор»

2012

Куделин А.

Неуставняк-1 / А. Куделин — «Автор», 2012

Неуставняк - страшное слово тому кто знает и непонятное тем кто не посвящён! О нём без эмоций прочесть не возможно и подсмотреть изнутри не каждому дано. Это единственная книга, которая без особых соплей рассказывает про неуставные взаимоотношения в армии (в десантных войсках). И не думайте, что это только в России - Неуставняк он на планете всей!!! Содержит нецензурную брань.

© Куделин А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Книга-1	5
Часть 1: Явь	6
Сквозь розовые сны и грёзы	6
Григорий Иванович	7
Мясо	7
Друг-Товарищ	11
Жизня	13
Призыв	15
Егоршино	21
Приехали	22
Прибыли	29
Часть 2: Пункт сбора	31
Остаток первого дня	31
День второй (отбор)	34
Форт Нокс	43
Баня	46
Письма	51
Отъезд	52
Поезд	56
Окруженцы	62
Монолог мабутного ополченца	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Куделин

Неуставняк-1

Книга-1

Анонс

Начав читать данное произведение, вы глазами автора проследите весь сложный период становления солдата, который обусловлен инициацией, предшествующей перерождению молодого человека в мужчину – в того, кто и сейчас защищает пределы нашей Родины. Вы узнаете условности и обычаи, познаете, что значит трудность и безысходность, и окажетесь в обстановке, в которой и сейчас пребывает ваш знакомый солдат, отдающий долг Родине, защищая спокойствие нашего сна.

Рассказ автора в стиле разговорной речи, приобретённой за время его пребывания в армии, открывает читателю всю глубину и неоднозначность межличностных отношений, присутствующих в армейских коллективах.

Это рассказ накладывает некое ограничение на возраст читателя, так как использование ненормативной лексики в рассказе не отвечает принятым в обществе условностям при написании подобных произведений, а тема, поднятая на поверхность, считается запретной и неосвещаемой из-за её малодоступности.

Ограничения 18+!

Неуставняк – это неправомерные взаимоотношения между людьми в любом обществе, вытекающие из природной сущности человека, обусловленной его стремлением доминировать среди равных себе, подавляя слабых. Это относится ко всем сферам жизнедеятельности человеческого общества, включая правовое поле, криминал, коррупцию, извращения и использование личных связей. В высшей степени концентрации это проявляется в Армии.

Я вошёл в армию солдатом, и мой успех полностью основан на унижении себе подобных ради себя самого. И каждый прожитый в ней день отобран мной у другого, который его только просуществовал.

Часть 1: Явь

Сквозь розовые сны и грёзы

Нет хамства в этой книге ни на грош. Вся прямая речь – это существующие реалии нашего времени, отрицание которых бессмысленно на просторах необъятной России. Прошу вас спрятать своё ханжество. Вы, мой читатель, приняв решение родиться в пределах границ бывшего СССР, кровью своей подписались слышать и применять её – истинную Русскую речь. Киты в своём звуковом послыле передают информации больше, чем люди, зато Русский Мат более ёмок. Он таит в себе не только зашифрованную информацию в раскрываемой теме, но и наполняет речь всеми оттенками эмоций, которые другие народы вынуждены выражать мимикой, жестами и интонацией.

Общеизвестное и безобидное существительное «блядь», применяемое в речи детьми ясельной группы, по непонятным мне причинам всегда приходится к месту, когда его произносит мой соотечественник горшкового возраста. Вы и сами не раз удивлялись этому парадоксу. Я, как и вы, не учу своих детей Мату, они постигают его самостоятельно. Современные тинэйджеры более продвинуты в использовании родного языка, чем мы это подозреваем. К тому же я раскрываю вам события такими, какими они были, и глупо рассказывать о них, держа в руках ножницы, кромсая чувства, запахи и звуки, превращая моё повествование в пресное изложение чужой жизни.

Сто процентов моего рассказа – правда, в которой девяносто восемь – моя собственная жизнь и два – переживания друзей и попутчиков.

Поводом для изложения этой армейской саги послужила повестка моему сыну на прохождение допризывной комиссии.

Отстояв своё право на успех, я и сейчас считаю, что мужчины рождаются только в Армии. Возмужание через коллектив изначально равных – это инициация, прошедшая сквозь века, которую ничто и никогда не заменит. Я не собираюсь вступать в споры с мужланами, успешно избегающими возможности постичь себя, но и не настроен говорить армии «Нет!». Моё повествование о том, что было со мной и что будет с нашими детьми.

Я очень хотел стать военным, но мне и в голову не приходило, что я попаду в армию в качестве солдата. Моим стремлением было стать офицером, и не просто офицером – вы только вслушайтесь, как гордо это звучит: “лётчик-истребитель-штурмовик-морской авиации”. Представьте себе – лётчик и моряк одновременно. Ты в чёрной парадной форме морского офицера, при белой фуражке, с кортиком на ремне, но ты не тихоходная морская черепаха, а гроза морей – корсар, заметив которого на горизонте, все стараются свернуть с курса и раствориться, как морская соль в воде. При всём этом ты самостоятельно управляешь самой современной техникой в мире – самолёты палубной авиации сложнее космических кораблей. У меня и сейчас холодок по коже пробегает при мысли о триумфе, который я должен был испытать по истечении четырёх лет учёбы в Ейском высшем военном авиационном училище.

Но судьба распорядилась иначе, и я, успешно окончив Электромеханический техникум, попал курсантом в батальон связи учебной сорок четвертой Десантной дивизии, где и принял свой первый неравный бой за мою душу, о котором теперь хочу рассказать.

Рассказ мой – не прачечная брэнной души, а откровение рядом стоящих с вами мужей, друзей и мальчишек, которые уже сейчас, мечтая повзрослеть, несут тяготы воинской службы.

Имена участников, затёртые памятью иных событий, я прорисую образами, в которых характер описанных сослуживцев передан с точностью до волоска.

Вся моя исключительность состоит лишь в том, что дворовое детство, украденное компьютерами у наших детей, перемещало меня как в плоскости района нашего города, так и по стране, накапливая жёсткость встреч в разных уголках необъятной моей Родины. Решив по известным только им причинам жить на Урале, родители длинное лето и все каникулы дарили моим многочисленным родственникам, которые живут и сейчас в разных уголках прошлого государства. Своеобразная смена месторасположения детей приветствовалась нашими семьями, чего не скажешь о нас (детях), которым приходилось приспосабливаться к различным обстоятельствам проживания и произрастания в чужой среде обитания.

Не думаю, что вам уместно будет читать сей фолиант глазами автора, и поэтому, начав издавека, предлагаю вам, поменявшись на время душами, пройти мой путь в армии до конца, примерив на себя то, что я носил в себе, пока не повзрослел на эти несколько лет.

Григорий Иванович

Город Свердловск, февраль 1983 года. Я оканчиваю техникум. Получить красный диплом мешают только две тройки, которые прихватил с первого курса, но пересдавать предметы я не буду, так как это не освободит от экзаменов в военное лётное училище, а ещё – скоро весна, и мне просто лень.

Мне восемнадцать с половиной лет. Зовут меня Гриша, вернее, Григорий Иванович. А если быть точнее, то я Саня, а Григорий Иванович – это моя Уралмашевская кличка. На дворе развитой Социализм, я учусь в авиаспортивном клубе на пилота самолёта третьего класса, у меня три прыжка с парашютом. Мне пришлось бросить секцию бокса, так как микросотрясения мозга могут привести к потере ориентации в пространстве, но тело моё упруго и накачано. Мне ничего не стоит пробежать на время пять километров, сохранив при этом вполне ровное дыхание. На меня уже давно заглядываются девчонки, но я берегу себя от слишком близких с ними контактов, чтоб не раздавать обещаний, так как связываю свою судьбу лишь с будущим триумфом.

Мать, каждый раз провожая на улицу, просит меня не задерживаться дольше десяти часов вечера. Я, выше на целую голову, слегка приобняв её, говорю:

– Мам, ты не беспокойся. Я постараюсь прийти до десяти, но ты ведь сама понимаешь, не могу же я своим друзьям сказать – пойду-ка я спать, а то меня мама ждёт. Я приду, а ты ложись пораньше, со мной ничего не случится.

Мама виновато, но с нотками металла в голосе произносит следующую фразу: «Саша, ты уже взрослый и должен знать, что родители всегда переживают за своих детей. И потом, всё равно я не лягу спать, пока ты не вернёшься. Пойми, мы живём не в самом благополучном районе, а ещё этот Григорий Иванович на нашей улице. Я так за тебя переживаю»

Было трудно с собой совладать, чтобы не подать вида – горько и занятно – моя мать боялась за меня же из-за меня самого! Пришлось объяснить, что Гришу я знаю, и он меня не тронет.

Уже уходя, я услышал в ответ, в спину: «То, что ты его знаешь, страшит меня ещё больше! О нём многое говорят, и многие его боятся!»

Но дверь уже закрывалась, и я быстро спустился с третьего этажа нашей хрущёвской пятиэтажки.

Мясо

В этот вечер у мамы действительно был повод для беспокойства.

Двор моего дома и сейчас неуютен для сбора друзей и подруг, но за домом, через дорогу, находилась великолепная по тем временам школа № 27. На просторном дворе этой школы мы

играли в футбол, катали снежные комья и строили крепости, курили, пили вино и учили друг друга матерным словам. Наши девчонки стойко переносили мальчишескую лексику, дополняя её новыми, более современными оборотами. Они были всегда рядом, их меняющиеся тела заставляли нас взрослеть и совершать порой безумные поступки. Их ранняя рассудительность сдерживала наши воинственные порывы, не давала нам напиваться и охраняла случайных чужих, зашедших в пределы нашего двора. Наш двор – это целый микрорайон, очерченный четырьмя улицами со школой внутри. Основное место обитания зимой – подъезды одной из трёх девятиэтажек.

В тот февральский вечер шёл пушистый снег. Ночь фонарями очерчивала возле подъездов островки. Снег вырывался из ночной пустоты и большими хлопьями посыпал двор. Мы стояли возле одного из наших любимых подъездов, травили анекдоты, подшучивали друг над другом, вспоминая достойные события прошедшего дня. Команда у нас была весёлая, и поэтому затихший ночной двор периодически взрывался нашим громким лошадиным ржанием.

Вынырнув из ночной снежной суматохи, к нам резвым шагом подвалили два незнакомца. Один – высокий и здоровый в длиннополном тулупе, второй – недомерок в чёрной болоньевой куртке. Здоровяк, не дойдя шагов десять, резко остановился и, распахнув тулуп, выхватил ружье. Два круга дульных срезов гипнотизировали наши взгляды, словно глаза кобры, втягивая их в жерла воронёной бездны. Быстрым движением он взвёл курки и стал метиться, нервно выбирая цель.

– Суки, а ну все на хуй к стенке! Кто рыпнется – застрелю!!!

– Бабы на скамейку! А вы, козлы, к стене!!! – заверещал мелкий.

– Кто рыпнется – порешу всех! – объявил здоровяк.

В душе появилась опаска. Боксёрский ринг научил прогибать ситуацию под себя, но эти два отверстия смотрели так угрожающе, что альтернатива в данный момент отсутствовала, так как расстояние до стрелка было слишком велико, чтобы достать его и постараться дать отпор. Мелкого я в расчёт не брал – этого и соплей перешибёшь, но аргумент в руках здоровяка был весомей любого варианта.

Мои друзья быстро стали выстраиваться вдоль стены, справа от подъездной двери. Не знаю, как они, а я осознал, что стена – это эпитафия “Прощай, мама! я погиб бесславно”. Погибать молодым очень уж неохота! Моя медлительность была ответной реакцией на напор противника. Вроде как сопротивление бесполезно, но и выполнять его указания душа не принимает. Мелкий суетливо бегал между нами и, толкая в спины, старался добиться полного повиновения. Ему это почти удалось. Восемь из девяти уже стояли, прижавшись к стене дома, остался только я.

– Ты чё, блядь, не слышишь?!? К стене, сука!!! – Он толкнул меня в плечо и занёс ногу, чтобы пинком под зад придать ускорение до места казни.

– Спокойно, мальчик, дёрнешься – задущу! – Отбив рукой ногу, я схватил его за шкиряк и, прикрываясь им, как щитом, отступил к подъездной двери, а открыв её свободной рукой, крикнул: «Пацаны, валим»!

Стремительность друзей была как никогда. Геройства в моём поступке было ни на чуть, потому что, поддавшись панике, в подъезд я бросился не последним, а, швырнув замухрышку в сторону стрелка, влетел туда, задвинув двух. Падение недомерка дало дополнительное время нашему арьергарду. Их спасло то, что я мелкого бросил к ногам здоровяка, тот отвлёкся, и секунды отставшим было достаточно.

Я забежал в пустой подъезд. Друзей в нём уже не было. Нет, они были здесь, но растворились до полной пустоты. Время переключилось на свой запасной ход – это когда секунда равна трём минутам.

Производя поступательное движение ногами, я попробовал трезво сообразить: «Надо подняться выше? Но выход на крышу дома в соседнем подъезде. Особо скрыться негде! За трубу мусоропровода – нет. Сейчас они бросятся за нами, первых, кого найдут, порешат. Надо подняться как можно выше. Кого найдут, того и ..., а значит, будет много шума. Шум привлечёт жителей, дверей они не откроют, но милицию вызовут. Милиция, конечно, приедет, но это займёт время, а вдруг патронов хватит и на меня!?!»

Мысль, что патронов может и хватить, породила в животе неприятный холод. Достигнув шестого этажа и памятуя, что никто меня не обгонял, я решил оглядеться. Время вернулось в нормальное русло, но прохлада в животе напоминала – опасность рядом, вернее, внизу. Закуток мусоропровода имел стандартное окно с видом на двор, обычно он использовался как этажная курилка. Сердце билось учащённо, дыхание срывалось и сильно хотелось заголосить, но мысли были ясны, как никогда. Я влетел в один из этих закутков и, выглянув в окно, увидел, что, спасая свои задницы, мы совершенно забыли про девчонок. Там внизу, на скамейке, сидели наши девчонки, а здоровяк, топчась на месте, размахивал перед ними своим ружьём. Мелкий же, как заведённый, бегал по приподъездному пятаку и размахивал какой-то сумкой.

Холод, отступив от живота, проник в темя и покатился по спине. Сердце замерло, а руки вспотели.

«Позор!!! Как я, Гриша, мог оставить наших девчонок на поругание чужим! И пусть они со стволем, но они там, а я, бросив их – здесь! Это позор!!!». А позор для меня равен смерти.

Я сделал три шага назад к ближайшей квартире и ненастойчиво позвонил. Через десять секунд дверь без расспросов приоткрыла достаточно тучная бабка. Я быстро схватил освободившийся край дверного косяка левой рукой и всем телом подался на дверное полотно. Бабка взревела, как сирена, и, ухватившись за дверь, стала отъезжать вправо, освобождая проход. Её недолгий напор спал, когда в коридор вывалился нехилый дядя, выше меня на целую голову и в два обхвата животом. Он бросился ей на помощь, решив своим телом закрыть образовавшуюся брешь. Я же, окончательно задвинув её к стене, ринулся вперёд.

Некоторое время дверь оставалась открытой, и подъезд наполнялся истошными криками вмурованной в стену бабки.

Дядя выкинул вперёд обе руки, желая задержать меня на расстоянии, безопасном для собственного здоровья. Я, сделав резкий уклон вправо, быстро обошёл его по кругу. За ним оказался мальчишка лет десяти-двенадцати. И откуда их так много понабежало?! Взяв мальчишку за плечи, я, словно в вальсе, поменялся с ним местами, и он, став прокладкой, мешал дяде до меня дотянуться.

Тут бабка, опрокинутая мной и собственным весом, всё же смогла закрыть дверь, запечатав меня во враждебно настроенном, но менее опасном, чем сейчас улица, пространстве. В принципе – это была реальная крепость, в которой можно переждать, вернее, отсидеться. Как потом оказалось, я единственный, кто позвонил в чужую дверь и завоевал пространство для собственной безопасности.

– Что тебе надо?! – спросил дядя, прижимая мальчишку к своему животу с такой силой, что мальцу, вероятно, начали мерещиться трубы перехода в другой мир.

– Там, внизу, на нас напали. У них ружьё! – отлил я не своим голосом. Я как будто услышал себя со стороны – в голосе не было страха, но решимость говорящего внушала доверие.

– Да?! А я думал, мне показалось! А это и вправду ружьё? – спустил пары дядя. – Что ты хочешь?

– У вас есть телефон? Надо срочно позвонить в милицию.

– Звони, телефон за тобой. – Он приотпустил голову мальчишки, и тот задышал, как после скоростной стометровки.

Я повернулся, телефон стоял на маленькой полочке, изготовленной заботливыми руками хозяина, явно ценившего эту тогдашнюю редкость. Белый карболитовый корпус накрывала ажурная вязаная салфетка. Я без лишних церемоний схватил трубку и набрал «02».

– Милиция, слушаю вас. – Голос прозвучал практически сразу.

– В нашем дворе по адресу: Восстания, дом 108, двое угрожают огнестрельным оружием и готовы расстрелять подростков, находящихся возле подъезда.

– Повторите адрес, – безучастно проговорил голос.

Я повторил адрес, затем меня попросили сказать, откуда я звоню, и дядя назвал мне номер квартиры.

– Ожидайте, наряд выезжает! – Короткие гудки и холод вернувшейся действительности.

Пока я разговаривал по телефону, бабка переместилась в амбразуру кухонного входа, мальчишку пихнули в ближайшую комнату, а в коридоре остались только мы с дядей.

Я, направляя растрепавшийся шарф, двинулся к двери, дядя, вжавшись в стену, пропустил.

– Ты куда? Не надо туда идти, – пролепетал он взволнованным голосом, – оставайся здесь.

Знаете, такое лепетание потерявшегося в толпе ребёнка. Напор, с которым он ринулся защищать свой придел, спал, глаза закосили, взгляд потерялся, а сам он обмяк и сдулся.

– Не могу! Там у нас внизу девчонки!

Голос был не моим, и вообще, всеми моими действиями словно управлял другой человек! А я? Я будто был сторонним наблюдателем. Я будто раздвоился: основное Я, покинув тело, выпало в астрал и стало наблюдать за всем со стороны, а на его место встало второе – упрямое, твёрдое, как чугун, расчётливо жестокое, готовое убить основное Я в угоду исполнению задуманного. Это бывает на ринге и в драке, но только на долю секунды и перед опасным ударом противника. В этот момент, если ты не успел уйти от удара, то удар получаешь не ты, а твоё второе Я.

– Может, лучше тебе остаться? – Дядя явно был растроган моей решимостью.

– Не, я пойду, а вы посмотрите за нами в окно, потом, если что, расскажете всё милиции.

– Хорошо, я не буду закрывать дверь, что случись – беги сюда. – Он протянул свою руку и открыл хитроумный дверной замок.

Я шагнул навстречу смерти. За спиной осталась крепость, в которой заплатой на паркетном полу валялась белая кружевная салфетка. Дверь за мной закрылась, и сразу послышалось, как дядя взводит все свои замки и задвижки, переводя крепость на осадное положение.

Ну а я?

Я быстро, чтобы не дать себе остыть, бросился по лестнице вниз.

Страх не было – лишь только решимость и шевелящийся холод в животе.

Дверь на улицу я распахнул широко и резко. Противник совершенно опешил от такой моей наглости. И я, сделав четыре шага в сторону здоровяка, остановился.

– Значит так, я вызвал милицию, и если вы в течение двух секунд отсюда не уебнёте, вас повяжут и посадят.

– Чё? Чё ты сказал, я щас тебя уебну прямо в живот! – Здоровяк наставил на меня двустволку.

В животе от холода появилась дыра, и я прямо почувствовал, как пули, отделяясь от стволов, одна за другой входят в моё тело, выворачивая куски мяса уже из спины.

Расстояние между мной и срезом ружья было не более трёх метров, и я уже был готов дотянуться до него, чтоб постараться если и не выбить, то хотя бы до выстрела отвести ствол в сторону от моего брэнного тела. Но между нами вдруг встала Абалихина Ленка.

– Мясо, ты что, охуел, убери свою берданку! Убирай, я тебе говорю! – Говоря это, она слегка откинулась на меня, превратившись в щит центуриона.

– Пусть он повторит, что он сказал! – Здоровяк вновь принял обличье стрелка, но перед тем как убить меня, он был намерен продырявить и Ленку.

– Ты что, глухой? – сказал я и левой рукой стал её отодвигать за себя. Она сопротивлялась несильно, и мне это было на руку, так как в результате этого манёвра я приблизился к противнику ещё на один шаг.

Ещё мгновение, и я готов был вступить в бой – нужно было только лишь освободить левую руку, которая фиксировала Ленку за спиной. Слава богу, Ленка не сопротивлялась, а прижалась к моей спине. Мелкий, видимо, помня свой конфуз, отступил ближе к стрелку и замер.

– Ну ладно, ты достойный парень, хоть и убежал, а всё ж вернулся! – сказал, улыбаясь, здоровяк. – Все остальные – говно и бабы, ты им так и передай. Тебя не трону, а их по очереди будем трахать.

– Знакомься, Гриша – это Мясо, мой одноклассник! – Ленка выскочила из-за меня и встала сбоку между нами.

Я был в полном замешательстве, ничего себе одноклассник! В свои шестнадцать он выглядел на мужика за тридцать с повадками сиделого блатаря. Недомерок, вида пятиклассника, оказался тоже одноклассником по прозвищу Шлёма.

Они, смеясь, поведали такую историю:

...Живут они на ШКЗ (воинственный и пьяный микрорайон на Уралмаше, граничащий с нашим двором). Зашли к соседу бухнуть, но застали его в стельку пьяным. Пошарили в поисках чего-нибудь съестного или бухла, но ничего не нашли. Зато в шкафу обнаружили ружье и пачку патронов, ну и пришла мысль слегка прогуляться и поколядовать. На улице встретили одинокого мужика, пугнули ружьём и отобрали сумку, в которой оказался кусок колбасы, буханка хлеба и литровая бутылка молока. Попировав немного прямо на улице, решили прогуляться по соседнему району, куда раньше им путь был заказан. Зашли в ближайший двор и увидели нашу толпу. Ленка их сначала не признала, да и они не сразу её заметили...

Я спокойно выслушал их рассказ и ещё раз повторил:

– Парни, вы чё?! Не въехали?! Я ментов вызвал, и если вы сейчас не уебнёте, то вас повяжут.

– Так ты не пиздишь?! – недоуменно спросил Мясо.

– А он, Мясо, никогда не пиздит – это ж Гриша!

– А мне похуй, что он Гриша! Я тебя, сука, разорву!

– Конечно, разорвёшь. Но только в другой раз! А сейчас, если не хочешь залететь, уёбывай!!!

Мясо и его щенок без лишних разговоров ретировались, и в скором времени во дворе остались только я и четыре наши девчонки. Парни так и не вышли, хотя никто из них в этом подъезде не жил. Решив, что не стоит долго задерживаться во дворе, а то приедет милиция и начнёт расспрашивать, мы, немного постояв, разошлись. Я довёл девчонок до их подъездов и пошёл через школьный двор домой.

Друг-Товарищ

Назавтра была суббота. В этот день мы собирались во дворе примерно часа в два дня. Когда я подошёл, возле последнего подъезда стояла кучка моих товарищей. Ночью я спал сном младенца, но утром пришло осознание, что слова “друг” и “товарищ” – это не одно и то же. До наступившего рассвета все более или менее близкие знакомые были для меня друзьями и товарищами одновременно, но этим утром я пересмотрел приоритеты и понял, что друзей у меня весьма мало.

Я подошёл, поздоровался и, как ни в чём не бывало, завёл разговор по поводу воскресного похода на озеро Шувакиш. Наша толпа любила ходить туда почти каждое зимнее воскресенье. Там было здорово: сухие камыши и осока снабжали топливом, и мы прямо на льду разводили колоссальный костёр, чтобы в течение часа съесть всё то, что с собой принесли, а иногда и выпивали.

Постепенно все дворовые товарищи, девчонки и Ленка собрались возле последнего подъезда того же вчерашнего дома. Откинув вечернее происшествие как условное недоразумение, мы стали строить планы на завтра, и наше обсуждение принимало уже бурный характер.

Вдруг к подъезду быстро подвалило человек пять нехилых взрослых парней. Они стали полукругом так, чтоб никто из нас не свалил. В центре стоял вполне взрослый парень со знакомыми чертами – это был Мясо.

– Ну, где ваш вчерашний герой? – он лыбился, набычив голову, глядя из-под бровей.

Я понял, что вопрос относится ко мне.

– Чё ты хотел?

– Так ты, сука, и вправду вызывал вчера ментов?

– Ты че, тупой, я что, повторяться буду?!

– Ну, тогда я пришёл тебя рвать.

– У тебя, я вижу, сплошные крайности. Вчера – ружье, сегодня – старики!¹

– Не бойся, они просто постоят, чтоб вы тут все на одного не налетели, а мы сейчас с тобой будем биться.

– Дурак ты, Мясо! Мне биться с тобой только в радость – я боксёр, и тебе от меня целым не уйти. Одного опасаюсь, если я тебя забью, мне с четырьмя стариками не совладать.

Немая сцена длилась несколько секунд, затем Мясо улыбнулся и подошёл ко мне с открытыми объятиями.

– Бля, в натуре, парни, он дружбы достоин! – Он притянул меня к себе и обнял, затем, словно отпихнув, развернул в сторону моих товарищей. – А это говно выбрось и забудь.

– Пусть это говно, – сказал я, освобождаясь из его рук, – но это моё говно.

От его улыбки несло вином и луком.

– Ладно, Гриша, твой двор – твои порядки. Но, если кто тебя тронет, знай – у тебя есть я! Я за тебя лягу!

Пятёрка быстро свернула свой строй и удалилась со двора вон. Их провожали молча, а товарищи, пряча взгляд.

– Гриша, а ты знаешь, что у Мяса ружье было незаряженным?! – взорвала нависшую тишину Ленка.

– А ты знала, когда вставала между нами?!

– Ну да! – улыбнулась она. – Знала.

– Ну и дура! – ответил я после паузы. – Я-то не знал и умирать за вас шёл по-настоящему, а не понарошку.

Вдруг стало горько, противно – прямо до блевоты. Я цыкнул плевком под ноги только что желанной девочки, развернулся и пошёл через школьный двор в сторону дома. Ленка, срывая голос, долго звала в спину, называя то Гришей, то Сашкой. Я не отвечал. Ко мне пришло второе озарение: поступок – это доблесть перед собой, а не перед окружающими.

Когда я шёл через школьный двор, из-за угла школы появился вчерашний дядя, он узнал меня, но повёл себя как-то странно. Зачем-то открыл свою сумку и, не глядя в неё, чего-то там пошарил, затем, резко развернувшись, почти бегом скрылся в обратном направлении.

Обида на сердце оставила большой рубец, но потребность в общении через полтора месяца вернула меня назад, во двор – к “друзьям-товарищам”.

---

¹ Старики – молодые люди, прошедшие армию, но ещё не женившиеся и потому скитающиеся с дворовыми командами.

Жизнь

Со мной и Гришей происходило достаточно много приключений, драк, разборок, недо-разумений – это отдельные темы отдельных рассказов. Но для оценки моего духа на день призыва следует, наверное, дать краткое повествование о моей жизни.

У меня очень ранняя память, и яркие события я помню с момента моего движения из пустоты на белый свет.

... Первый осознанный поступок я совершил в яслях. Мне было чуть больше трёх лет. Это осень 1967 года.

Мои ясли находились на улице Кировоградской, в доме № 31. В тот день утром в них вёл меня отец. Я не помню, кто обычно меня туда отводил, но тот день запомнился особенно. До тридцать третьего дома он нёс меня на плечах, и это было здорово, а потом предложил мне немного пройтись пешком.

– Знаешь, друг, давай ка походим ножками, а то я устал нести тебя.

«Я же не устал!» – подумал я. Вовремя смолчать – это дар, который дан мне как бонус за то, что я родился.

Усталость в моём возрасте – тёмная сторона, которую ещё следовало познать.

Отец поставил меня перед собой именно так, как сейчас ставлю я, снимая с плеч своего четырёхлетнего сына. Оправил на мне серенькое пальтишко и взял своей широкой рабочей ладонью мою ладошку, которая исчезла в ней, как в варежке. Я шёл, торопливо семеня за ним. Отец явно спешил, но эти сто шагов были предназначены для моего здоровья, именно так я поступаю и сейчас. День явно не задался. Как нас передавали из рук родителей в руки воспитателей, я не помню, но помню тоску, которую ощутил, когда отец сказал: «Вечером за тобой придёт мама».

Его шершавые руки передевали меня для нахождения в группе.

– А вечер – это долго?

– Нет, сейчас вы позавтракаете, потом... – отец рассказал мне подробно весь наш сегодняшний распорядок, и я понял, что это очень и очень долго. На глаза навернулись слезы...

С того момента до четырёх с половиной лет я отца не помню. Но этот неудачный день я выпил весь без остатка.

Позавтракав какой-то ясельной размазней, я со своими ребятами остался играть в группе. Из-за пасмурного позднесеннего дня нас не повели на прогулку. На улице я всегда находил себе занятие, но в группе уже всё было изучено. Масса пирамидок и незатейливые конструкторы из кубиков мне давно надоели. Делать было совершенно нечего. Я слонялся по игровой комнате и, периодически приставая к другим, завершал их сложные начинания по расстановке игрушек, сборке пирамидок и раскладыванию разных тряпочек. Стоит признать, игрушек было предостаточно, намного больше, чем дома, но дома я и с простой бельевой прищепкой мог играть часами. Тут же все копошатся, что-то делают, а мне заняться нечем.

Подойдя к столу, на котором мной были собраны и оставлены без присмотра все деревянные пирамидки, я начал их разбирать, чтобы бессмысленно собрать снова. Наверное, в тот раз я впервые решил убить время. Ко мне пристроился Вадик. Он захотел собрать только что разобранный паровоз, который собирали, нанизывая разные кругляшки и квадратики на палочку. Соображения ему явно не хватало, и я принялся помогать. Главной деталью являлась центральная палка, воткнутая в кабину машиниста, и, когда я её забрал, Вадик зашумел и стал её у меня выхватывать. Поначалу я молча отбивался, а затем хладнокровно сложил пальчики в кулак и врезал ему прямо в лицо!

Ну какая сила у малыша, которому ещё даже не читали книжечек? Не знаю! Но Вадик упал на пол с разбитым носом и зашёлся в крике.

Сразу набежали взрослые и директор – очень колоритная женщина (объёмом первой атомной бомбы в голодные годы социализма).

Директор вынесла вердикт: Вадика срочно к фельдшеру, а меня отвести в старшую группу: «Пусть попробует там драться!». И я за руку был препровождён в другую группу, где в это время читали сказку. Чтение вслух быстро успокоило и заинтересовало, до этого мир книг для меня был не познан или не оцутим.

После обеда нас положили спать на веранду, не знаю, как в других яслях, а в моих детей зимой и летом укладывали спать в спальнях мешках на неотапливаемую веранду. Спальные мешки застёгивались снаружи, и у ребёнка шансов самостоятельно расстегнуться не было. Иногда во время сна раздавался истошный рёв – это один из нас перевернулся и упал с кровати на пол. Если воспитатели слышали, то приходили быстро, чтобы вернуть упавшего на место и восстановить молчаливое спокойствие общего сна. Но бывало и так, что помощь приходила только непосредственно перед тем, как нас начинали будить.

Я проснулся от сильного толчка. Сон проходил не сразу. Сквозь приоткрытые глаза начала просачиваться реальность окружающего мира, которая распалась на коричневые плоскости: я лежал на полу веранды на правом боку. Пол длинными досками убежал от носа до стенки – она была огромной, от края до края, с трещинами по светлой поверхности. Нужно что-то делать – позвать, заплакав, или молча ждать, когда заметят и перенесут на кровать. Лежать в спальном мешке на боку было неудобно, тогда я перевернулся на спину. Полежав немного так, я принял первое своё осознанное решение – медленно, переворачиваясь с плеча на живот и по кругу, покатился по полу к своей кроватке – это было недалеко. Затем, изгибаясь, встал на колени и, облокотившись о край кровати, перевалил своё тело на спальное место и остался доволен, но, перекачав себя на кровать, я оказался лежащим лицом вниз, что создавало полнейшее неудобство. Ширина кровати не позволяла произвести манёвр с переворотом, и я вновь, корчась, встал на колени, но тут мои глаза оказались на уровне подоконника, что также меня не устроило. Конечно, приобретённые навыки следовало развивать дальше – я встал на ноги и принялся смотреть в окно: за окном было серо и пасмурно, тополь качал голыми ветками, и мама ко мне никак не шла.

Стало тоскливо, я заплакал, жалея себя, маму и весь белый свет. К вечеру у меня поднялась температура, и меня срочно поместили в бокс изолятор, где я, лёжа, дождался прихода моей мамочки...

Все мои поступки, которые я совершал вопреки устоям общества, всегда, если они были преданы огласке, беспощадно наказывались моей мамочкой. Но я всё равно её любил и всё равно совершал эти поступки. В тот день я наказан не был.

Первым моим участием в массовой драке была битва за пустырь, на котором решили построить Уралмашевский спортивный Манеж. Мы жили рядом, и этот кусок уральской земли считался закреплённым за нашим двором.

Начавшаяся тем летом стройка своими масштабами стала притягивать к себе мальчишек с других улиц, а это, по понятиям того времени, было недопустимо. Каждый двор имел свою территорию, и её следовало самозабвенно защищать. Дворовые ватаги подминали под себя слабо охраняемые территории, устанавливая на них собственный протекторат. Находиться в пределах этих республик чужим не полагалось, а уж если требовалось пройти, то отнюдь не по кратчайшему пути, а в обход – по улице.

...Август 1968 года. Я, как всегда, бегаю возле взрослых мальчишек, мы собрались на наш пустырь, но там находится ватага чужих, и поэтому предстоит разборка и вполне возможно на кулаках.

Вдруг один из противников говорит: «А чё мы? Пусть малышня подерётся, и чей победит, того на сегодня и стройка».

С нашей стороны выставили меня. Я толком и не понял, что требовалось делать. Противником выставили парнишку чуть выше ростом. Это “чуть” могло быть старше на год или даже на два!

Нас обступили. Мы стояли в центре круга. Женька, предводитель нашего двора, ему лет тринадцать пятнадцать, подтолкнул меня вперёд: «Давай, врежь!»

Я стал соображать, как надо сильно “врезать!”

– Ну, давай, как я тебя учил! – подначил старший стоящего передо мной пацанёнка.

Тот сделал шаг, и я даже не понял, что произошло!

Удар был в солнечное сплетение – я задохнулся и упал. Женька подхватил меня за подмышки и принялся поднимать и опускать, чтобы я начал приседать. Дыхание от этой присядки быстро восстановилось.

– Ну что, ваши сегодня не пляшут! – сказал старший противной стороны.

Он стоял за довольным собой пацанёнком и гладил его по голове.

– Базаров нет, гуляйте до завтра! – сказал Женька. – А завтра, если вы придёте, хлестаться будем мы с тобой, понял?!

Атаман противника промолчал.

– Что ты, дурья башка, не врезал первый? Тебя что, Валерка драться не учит?

– Нет.

Валерка – это мой старший брат.

– Ты понимаешь, они у нас наше отобрали, а мы им даже фитиля вставить не можем.

Я медленно плёлся за всеми, досада брала за сердце, не цепляясь за ум.

Мы уже выходили со стройплощадки, когда я оглянулся и увидел, что мой противник одиноко стоит возле небольшого котлована. Взрыв негодования, щелчок обиды и прилив зла бросили вперёд – спотыкаясь и перепрыгивая кочки, я подбежал к нему и ударил в грудь, он подался вперёд, ещё удар в лицо – и тот, завопив, цепляясь за глинистый грунт, сполз на дно котлована. Чужие ринулись на помощь, но передо мной уже стояли наши!

Бой был короток – всех непрошенных загнали или свалили в эту канаву. Женька приказал, и мы, спустив штаны, обоссали их сверху...

В драке не участвовал только один – мой брат – он старше на пять лет, и его поступки я не обсуждаю.

Драк в жизни было много и даже очень, но все они за моё правое дело. Просто так, на ровном месте махать кулаками я не умел и не умею, да и нет в этом надобности. Свою силу и доблесть я ощущал с раннего детства.

Если, затем детский сад – это время становления характера; школа и техникум – времяковки; а вот закалила его армия!

И, вероятно, именно по этой причине Бог посчитал, что меня не следует возвышать, и своё возмужание я должен пройти в армейском коллективе – среди изначально равных.

Призыв

Я не буду рассказывать, почему я не стал курсантом военного училища, а пошёл в армию – это тема другой книги.

Скажу просто: мне не дали возможности выбора, а просто зло и тупо забрали, чтоб отправить по усмотрению судьбы.

Согласно повестке, мне было предписано явиться на призывной пункт 17 апреля 1983 года, но коррективу внесла весна и Первое мая.

Я, раздражённый желанием военкома любой ценой забрать меня в армию, решил подарить себе Первомай как бонус перед долгой службой. Отгуляв праздник Солидарности всех

трудящихся мира, я явился в военкомат и выслушал первые нелестные слова первого своего командира.

Меня, вероятно, планировали в какую-то специальную команду, но я её задвинул. Военкому я стал неинтересен, и мою судьбу уже решал прапорщик. Прапорщика звали Александр, одно время он преподавал в нашем техникуме производственную практику, и мы с ним были дружны. Он симпатизировал мне, а я, в свою очередь, во время практики настраивал своих сокурсников на рабочий лад, конечно, в меру моих способностей. И надо ж такому случиться – в десантные войска я попал по блату. Смеётесь? Да в то время многие деньги платили, чтобы их сын имел возможность стать Десантом! Десантник – это всегда было, есть и будет круче Кручи.

И вот **7 мая в 9 ч. 00 мин.** я в сопровождении поредевшей от призывов дворовой братвы пришёл на призывной пункт – ДК УЭТМ, в который шагнул гордым пацаном, а вышел сопливым призывником.

Унижение испытываешь сразу. Каким бы ты ни был гордым и независимым, но когда тебя раздевают догола и осматривают как пупсика, то состояние бравады проходит сразу. В смотровой комиссии в равном количестве присутствовали и мужчины, и женщины. Из-за смущения ты смотришь только перед собой. Рядом – такие же, как и ты.

Ощущение бесправия начинает накатывать быстро и неумолимо. У тебя забрали паспорт, проверили все твои вещи и, не дав тебе даже в последний раз прикоснуться рукой к родным, по оцепленной солдатами дорожке препроводили в автобус: «Хоть бы ещё раз дотронуться до матери, прижаться к подруге, обнять отца, пожать руку друга. Нет, ты уже не их – тебя отобрали, выкорчевали и угнали!»

Когда мы оказались в автобусах, наши родственники и друзья, возмущённые тем, что не дали в последний раз попрощаться, стали их раскачивать, а милицейский уазик чуть совсем не перевернули. Пока происходила эта суматоха, через окна производились последние рукопожатия и передача заготовленных, но не проверенных комиссией провианта и запасов.

До сборного пункта в Егоршино путь не близок. По мере движения к нашим двум автобусам прибавилось ещё восемь. В то утро из города вывезли примерно 500 600 потенциальных защитников Отечества.

Благодаря умению призывников и напористой смекалке провожающих, в нашем автобусе оказалось несколько бутылок вина и водки, что тут же разделило коллектив на неравные части. Инициативные, не гнушаясь знакомством, быстро сгруппировались на задних сидениях, оттеснив испуганных молчунов к середине и на передок.

Сопровождавший нас прапорщик здоровьем явно не блистал – вечерняя, а может, и ночная подготовка к утреннему призывному мероприятию выходила из него паром и выхлопом. Случайно влетевшие мухи бились о стёкла и лезли в щели, чтоб только не ехать с ним в одном салоне. Он разместился на первом сидении и тупо смотрел вперёд, лишь иногда его рука поднималась, чтоб платком протереть затылок и осушить лицо.

Мы же такие все одинаковые уже сейчас разделились на две команды.

Первые – brave, уверенные, говорливые – скучковались на задних сиденьях, куда потянулся весь общий харч и горячительные напитки.

Вторые – молчаливые, скованные и пугливые, которых было большинство – сидели, замерев в ожидании чего-то. Интересно было к ним обращаться.

– Эй, ты! – Все Вторые замирали, выпрямив спины, и, как коровы на лугу, начинали смотреть в одну сторону – в сторону прапорщика.

– Ну, ты, в серой куртке! – Вторые, слегка поворачиваясь в сторону прохода, глазами начинали искать обладателя такой куртки.

В то время было принято уходить в армию в телогрейке, чтобы не было жалко с ней расстаться, но были и интеллигенты в серых болоньевых куртках.

– Серёга, ткни перед собой! – Это обращение к одному из Вторых.

Имена людям нужны для избирательного общения, вот мы их и начали запоминать.

Мы, Первые, перезнакомились почти сразу, как только автобус покинул пределы нашего городского района. И пока мы перегруппировывались в пространстве автобуса, Вторые, ватными болванчиками, предавались грустному рассматриванию окрестных пейзажей, бежавших вдоль дороги. После первых глотков из горла за окном выглянуло солнышко, и автобус поехал ровней, не обращая внимания на тогдашнюю ущербность социалистических дорог.

Первая бутылка выгнала грусть, вторая очистила горизонты сознания, а третья, убив дискомфорт, превратила наш переезд в увеселительную прогулку.

Серёга ткнул ладонью в спину впереди сидевшего и замер, как взведённый курок, готовый в любой момент произвести поступательное движение. Обладатель серой куртки в очках из металлической оправы в два приёма, как робот, повернулся к нам. Правда, сделал он это как-то не до конца, а так, чтобы смотреть и в нашу сторону, и не упускать из виду автобусного прапорщика. Я и не предполагал, что возможно одномоментно развернуться в две противоположные стороны.

Для меня начиналась новая жизнь – жизнь познания человека индивидуального.

– Как там тебя? Колбаса есть?

– Нет! – голосом пионера ответил будущий защитник Отечества.

– А что есть?!

– Два бутерброда, пряники, сушки и немного конфет, – отрапортовал юный ленинец.

– Ну, кинь что-нибудь на стол! Ты – нам, мы – вам.

Команды, не перебивая друг друга, сыпались от Первых по очереди. Ранжира в том коротком знакомстве ещё не было, и поэтому все Первые друг к другу относились с уважением.

Очкарик, не опуская головы, нервно зашарил по сумке, его тело немного склонилось в сторону прапорщика и как бы просило о помощи. Но тот только громко выдохнул и в очередной раз протёр лицо. Обладателю серой куртки стало понятно, что повторение поступка Павлика Морозова в данной ситуации не состоится. Нервно двигая затылком, он опустил голову и начал осознанный отбор съестного для поставки на стол Первых. Но так как его действия имели затяжной характер, Серёге было велено взять его сумку и передать её к нам на досмотр. Выполнив вменённое ему указание, он снова привёл себя в состояние боевой готовности.

– Ни хуя себе, два бутерброда!!! – Я вытащил из холщовой котомки палку сервелата и кольцо копчёной колбасы, два батона белого хлеба и кусок сыра весом под кило. Остальное содержимое было уже неинтересно.

– Ты че, жмодяра?! – разногласие взорвался стол.

У Вторых появился интерес, они стали поворачиваться и даже, осмелев, привставать со своих сидений.

– Нет, меня собирала мама, я и не знаю, что она туда запихнула, – потеряв голос, пролепетал очкарик.

У него затряслась нижняя губа, очки вспотели, он всем телом повернулся в сторону прапорщика, но с той стороны на него осуждающе смотрели Вторые. Их взгляда он не перенёс и, чтобы хоть как-то стереть себя из этой сцены, обмяк, ссутулился и уткнулся в окно лбом. Он молча заплакал, выдувая на стекло пар, который проступил росой вокруг его головы, и в нашем обществе появился Третий.

– Дурак! Щаз приедем, нас всё заставят сожрать! А всё, что не खाваем, выкинуть! – сказал один из Первых, который был явно подкован и действовал в рамках своих твёрдых знаний.

По сути, он в нашем временном коллективе стал дирижёром и, честно говоря, было удобно быть Первым, равным и приближенным к человеку, знающему наперёд всё.

Когда все припасы Вторых были разделены, чтоб лучшей частью вскормить Первых, из Вторых к нам присоединились двое, добавив на стол каждый от себя ещё по одной бутылке водки. **НУ ЧТО ЗА НАРОД? НЕЛЬЗЯ, НЕТ, А МЫ ВСЁ РАВНО, ПОЖАЛУЙСТА.** Откуда!?! Умом Россию не понять. Выделившись из Вторых, они не стали равными нам, но для остальных перешли к Первым.

Беседа лилась своим чередом – я молчал и больше слушал. Дирижёр рассказывал, как вести себя на пункте сбора. Он знал всё: весь распорядок и все действия. Первые разрабатывали план, чтоб нести службу прикольно, вместе, одним строем.

Дорога не кончалась, мы покуривали прямо в автобусе, водитель, подглядывая в зеркало заднего вида, ставил бровки домиком, но молчал. Ему по-отцовски было нас жаль, и весь наш кавардак он расценивал как «Пусть дитяти напоследок потешатся!».

Первые уже давно перепрессовали Вторых на другие места, а на освободившемся сиденье накрыли стол. Сами мы сидели вокруг него, а кто не мог дотянуться, тому передавали.

– Командир, а нам поссать то дадут?! – спросил я развязным тоном.

Прапорщик словно ожидал команды – он резко поднялся со своего места и быстро прошёл в нашу сторону.

Придерживаясь за верхний поручень, он принагнулся над столом и, протянув руку, подхватил открытую полбутылки, затем, как горнист, приставив горлышко к губам, вознёс её в приветственном порыве к потолку и замер, вливая в себя содержимое. Наш восторг, не подтверждённый аплодисментами, он принял как должное и, взяв со стола кусок отломленного хлеба, нюхнул его, скомкал и зажевал. Оглядев нас и ещё раз посмотрев на стол, он невозмутимо вернулся на место.

Мы аж привстали, а Вторые же, видимо, питавшие надежду на справедливость, словно растворились. И только Третий сидел, не меняя позы, уткнувшись в стекло, которое от слёз и дыхания покрылось сопливой слизью.

– Если вы такие кентовые, можете ссать в сапог, а остановки, чтоб вас потом ловить по полям и лесам, не будет, – сказал прапорщик и затих, прикрыв глаза.

Он потом ещё один раз подошёл и выпил, но в этот раз его жажда была умеренней, зато аппетит – волчий: пришлось даже пополнить стол за счёт второй колонны.

– Всё! Сворачивайтесь, подъезжаем! – произнёс он, возвращаясь на место.

Больше мы его никогда не слышали. По приезде он передал нас и запечатанный пакет какому-то капитану и вернулся в автобус. Я его запомнил – он первый мой военачальник, который отвечал за меня, и которому я был обязан вверить свою жизнь для свершения ратных подвигов. Именно он позволил нам окунуться в первый в нашей жизни недетский коллектив, образовавшийся в короткое время по законам живой природы.

Егоршино

Станция Егоршино – это пункт комплектования и отправки команд призывников на просторы нашей огромной Родины. Он и сейчас не утратил своего предназначения, только география призывников уменьшилась до Центрального военного округа. Впрочем, наши боевые подразделения в Таджикистане также комплектуются отсюда.

Особой ностальгии по пункту нашего сбора нет. Три с половиной дня, изменившие жизнь окончательно, безжалостно втолкнули меня в начало армейской действительности.

Разум не приемлет, но события, произошедшие не только со мной, требуют своих откровений.

Дорога для нашего автобуса закончилась как-то очень резко. Началось бездорожье, и он, превратившись в катер, начал рассекать попадающиеся водные преграды, как крейсерская лодка. Водитель вёл машину с напором, понимая, что остановка в центре лужного озера чревата окончательным потоплением нашего корабля. Выбираясь из лужи, нашему автобусу приходилось с разбега карабкаться на какой-нибудь пригорок, с которого мы вновь сползали в грязевую жижу.

– Ёбаный папуас, щас точно встрянем! Я в лужу ни хуя не полезу, пусть вытаскивает ваш призывной начальник, – подал голос водитель.

Лицо его сосредоточилось, губы напряглись, а слова он произносил так, словно у него на спине лежал мешок с песком кило на сто. Весь он подался вперёд и каждый раз, когда машине требовалось усилие, подталкивал её, упираясь тощим животом в руль.

– Ну, давай, ласточка! – цедил он сквозь зубы, когда мы въезжали в очередную лужу. – Я, бля, прошлым призывом встал вот в этой, четыре часа куковал, пока пригнали трактор, а когда цеплял её (вероятно, “Ласточку”), простыл так, что чуть богу душу не отдал! – сетовал водитель, обращаясь к прапорщику.

Сам прапорщик молчал, но телом тоже подталкивал машину, приближая миг нашего с ним расставания.

Амфибия под названием “Ласточка” выехала на площадь. Это была не городская площадь, а обычный сельский сход. Просто улица расширилась, и образовалось неровное круговое пространство, куда мелкими ручейками стекались несколько переулков и лужа – знаменитая гоголевская лужа, которую неоднократно и с любовью описывал гений. Мне за ним не угнаться, поэтому я повторяться не буду. Когда наш баркас проплывал по краю этой водной глади, из переулка показался мужик. Он неуверенной походкой дошёл до конца переулка, а дальше только кромка суши вокруг огромной лужи, густые заросли кустарника и крапивы, охраняющие границы ветхих заборов.

Мужик из переулка словно выпал. Шаг назад идти ему помогал редкий штакетник распатанных заборов, охранявших пределы частной собственности, а тут вдруг ничего, ну просто ничего, одним словом – засада. Ему без поддержки забора удержаться на ногах было просто невозможно. Он попробовал встать, чтобы двинуться вдоль кромки, но попытка не увенчалась успехом, и он, оказавшись в очередной раз на коленях, поднял голову и посмотрел вдаль – через лужу, рассекая которую, осторожно шаря колёсами по дну, проплывала наша “Ласточка”. Взгляд его заметался, требуя развеять наваждение. Я посмотрел на другую сторону площади и увидел гостеприимно распахнутую дверь сельмага, которую скрыл наш автобус.

Сам магазин и все сооружения в этом населённом пункте были построены потомками архитекторов из города Пиза. Стиль их полностью сохранял архитектурные традиции известной башни, но некоторые пошли ещё дальше и, дабы превзойти своих учителей, добились такого наклона стен, что подпирали их, для целостности конструкций, жердями.

По ходу движения автобуса я продолжал следить за этим странником. Он, безвольно опустив голову, принял позу молящегося мусульманина до момента земного поклона и, слегка качаясь из стороны в сторону, ловил равновесие своего тела. Вдруг его тело напряглось и замерло, голова медленно поднялась, и взгляд устремился вдаль. На одно мгновение наши глаза встретились, и я увидел в них беспредельную тоску. Доля секунды – и его взгляд потух, голова безвольно опустилась. Он медленно поднял руку над головой и резко рванул её вниз, словно хотел сказать: «А, хуй с ним!», качнулся и обречённо пополз вперёд на четвереньках.

Наш корабль уже выбрасывался на мель, когда герой вполз в лужу по локоть. Смог ли он преодолеть преграду или нет, не знаю, площадь закончилась, и мы снова въехали в улицу.

Приехали

Сборный пункт находился где-то на окраине. Нас подвезли к воротам и выгрузили. Мы встали двумя обособленными кучками. Первые делали безразличный вид бывалых и курили, Вторые жались к центру своего сообщества на расстоянии вытянутой друг от друга руки. Третий стоял, опустив голову, и старался краем своей рубашки протереть очки, из его кармана торчал мятый мокрый носовой платок. Прапорщик зажал пакет с нашими документами между коленок и принялся оправлять китель, который опоясывала новая португепя с ремнём через плечо. Вдруг прозвучала команда:

– Старшие машин, ко мне! – Возле ворот стоял невысокий капитан.

На португепе, опоясавшей его китель, висела пистолетная кобура, из которой хвостиком свисал и через дренчик крепился узкий кожаный шнурок, а красная повязка на руке гласила: «Дежурный по сборному пункту».

– Смотри! – Толкнул меня плечом Дирижёр. – Не хухры тебе мухры! Вишь, с пистолетом ходит! А шнурок для того, чтобы у него его не спиздили.

Наш прапорщик медленно закончил приводить себя в порядок и небыстрым шагом подошёл к этому капитану. Точно так же, не проявляя излишней активности, к нему подтянулись и другие старшие машин. Каждый из них был индивидуален как в звании, так и в своей принадлежности к родам войск.

Из ворот вышли сержанты разных мастей и неровным строем замерли, глядя на нас усталым взглядом. Ими командовал бравый десантник в звании старшины. Конечно, он был красавец: парадный китель притален и укорочен, вместо рубашки – тельняшка, а на голове – лихо посаженный голубой берет с кокардой и маленьким уголком, изображающим развевающееся знамя. Два ряда значков украшали его нехилую грудь, а начищенные до блеска сапоги имели необычную для того времени, до середины голенища, шнуровку.

Блин! Это одновременно было и красиво, и круто! Все же остальные младшие командиры выглядели как-то очень уж младшими.

Старшие машин, передав объёмные пакеты, вернулись к своим группам призывников. Наш прапорщик подошёл к Дирижёру и, молча протянув руку, взялся за ручку котомки Третьего, в которую мы запихнули нужные остатки со стола и две початые бутылки водки: «Вам, сынок, теперь это долго не пригодится, а мы за ваше здоровье и благополучную службу...» – он не договорил. Дирижёр сразу сдулся, его рука, державшая сумку, вдруг затряслась, и он её отпустил.

Я посмотрел вдоль колонны автобусов. Не все, но многие старшие несли в руках подобные котомки. Сопровождавшие нас официальные лица сгруппировались в один автобус, окна которого быстро покрылись испариной. Колонна автобусов сделала разворот перед воротами части и двинулась назад, увозя нашего прапорщика, а с ним – наши детство, юность, молодость.

В моей памяти он – словно Харон, перевозивший через Стикс души безвозвратно ушедших людей.

– Подойди сюда, – сказал капитан, обращаясь к старшине десантнику.

Десантник, чуть подав тело вперёд, красивым, чётким, почти строевым шагом подошёл к капитану и без подобострастия отдал честь.

Я буквально влюбился в него. Мысленно примерив его форму, чуть поправив значки и круче запрокинув берет, я посмотрел на себя со стороны – это то, что надо, все бабы мои, и возраст их мне не помеха!

Капитан негромким голосом отдал приказание. Сержант, приняв стойку смирно, отдал честь и повернулся на пол оборота в сторону строя сержантов. Затем сделал три строевых шага, после чего его тело обмякло, и он, слегка пришаркивая каблуками своих новомодных сапог, подошёл к своим подчинённым.

– Равняйся, смирно! – Всё вдруг изменилось, в мгновение ока перед нами стоял действительный строй солдат, готовый выполнить любое боевое задание, и цвет погон перестал иметь значение. Решимость прошла каждый их взгляд, каждое лицо изображало уверенность в правильности выполняемой им задачи.

Такая метаморфоза преобразила и нас. Мы начали выпрямляться и, как загипнотизированные, стали принимать форму более-менее правильного строя. В яслях на прогулку нас выводили в колонну по одному, в детском саду мы шагали парами, в школе нас научили ещё более сложному построению. И наконец, почти каждый из прибывших прошёл начальный курс военной подготовки, которая, пусть ненастойчиво, но всё же преподносила приёмы построения и перемещения.

Испокон веков главный принцип воспитания молодых воинов – личный пример старших ратников. И именно он подцепил нас своей незаметной когтистой лапой и поставил в строй. Внутреннее сопротивление иссякло, и в строю уже не стало ни Первых, ни Вторых – был боевой строй, пусть пока и ополченцев, но уже строй!

Старшина дал чёткий приказ разделиться по три человека и приступить к формированию подразделений. Недалеко от ворот находилась беседка, куда и переместился капитан. Закурив, он начал просматривать переданные ему бумаги и сверять их с какими-то списками. Их ему принёс весь помятый солдатик, одетый в форму с чужого плеча – повседневный китель измят и велик, штаны отвисали так, что в них можно было воткнуть ещё одного такого же, а вся форма выгоревшая, почти песочного цвета. От ворот до капитана он шёл по ломаной траектории, которую корректировала не местность, а аура расходившихся сержантов. Они, не обращая ни на кого внимания, разбились по трое и двинулись в сторону бесхозно стоящих кучек прибывших ополченцев. Он же словно ловил их инфракрасные волны и старался двигаться так, чтобы не обжечься. Самое большое излучение истекало от сержанта в красных погонах – тот мельком взглянул на него, и он чуть не рухнул, но всё же удержался, проявив трепет и выдавив на лицо пот.

Невольно заметив это, я примерился – сержантик казался замухрышкой, и если б он попробовал со мной втянуться в суету², то однозначно получил бы пинок под зад.

Зато возле капитана солдатик стоял так, как уставший путник возле печки в зимнюю стужу, разве что не протягивал руки, чтоб их согреть.

Если других новобранцев сгонять в стада принялись по три пастуха, то к нам подошёл мной глубокоуважаемый Десантник в звании старшины:

– Так, слушаем меня внимательно, и если кто будет правильно и вовремя выполнять данные мной указания, то тому останется его цветущий вид и ровное, а главное, здоровое дыхание! – Старшина стоял прямо, руки его свободно свисали вдоль тела, сам он слегка покачивался на пяточках своих новеньких сапог. – Сначала мы сделаем следующее: каждый снимает

---

² Втянуться в суету – незапланированная, навязанная кем-то тебе драка. Обычно в городах драки редко бывают спонтанными, как правило их объявляют, как дуэль, а вот неожиданная и есть суета!

свой бушлат и кладёт перед собой, под ноги; затем высыпает содержимое вещмешка и распределяет на две кучи – съестное и нет! Ясно?!

В ответ послышалось невнятное мычание, и только я ответил с задором: «Так точно!»

– Вот! Учитесь правильно отвечать! Любое Тело в армии имеет голос, а голосом надо уметь пользоваться. Вот как, например, у... – Он быстро подошёл ко мне и, поставив меня сбоку, приобнял и слегка прижал. – Как тебя?

– Гриша, – ответил я, чуть повысив голос.

– Телу не следует иметь имя, достаточно фамилии. Как тебя зовут!?

– Куделин.

– Вот уже почти правильно, но ваше тело имеет общее название. И это название – Призывник, ясно?!

– Так точно, Призывник Куделин, – я словно включился в игру и мне нравилось, что со мной играет такой остроумный и сильный противник, вернее не противник, а наставник, ну, в общем...

– Молодец, далеко пойдёшь, куда приписан? – он меня ещё раз приобнял и отпустил.

– В десант, – гордо сказал я.

– Приписан – не взят, будешь не дурак, станешь одним из нас. – Он отступил в сторону, крепко взяв меня за предплечье и сильно сжал. Я почувствовал железную хватку бесстрашного воина. Через это сжатие часть силы перелилась ко мне и полностью меня ему подчинила.

– Так, Тела, почему не копошимся, чего ждём?! – Старшина вышел из нашей отары и резко повернулся к нам лицом.

Все замельтешили, выполняя первый в своей жизни приказ! Каждый старался сделать это как можно быстрее. Я выполнил задание первым, так как всё своё пропитание я метнул на стол без остатка и разделять вещи, развязывать пакетики и разворачивать газетки мне не пришлось. В моём рюкзаке разместились: пара носков, полотенце, бритвенный станок с пачкой лезвий, зубная щётка и паста, отдельно в пакете лежало десять пачек Ташкентской Примы. Я выпрямился и посмотрел на другие отары – казалось, что скорость их копошения зависела от цвета погон управляющих ими сержантов. И если в нашем стаде движения были почти что размеренны, то в стаде черных погон мельтешение было сродни панике.

– А ты, орган, чего землю сопливишь? – Это мой кумир обратил своё внимание на Третьего.

Тот уже не плакал, а только, как истукан, смотрел в одну точку. Старшина пробрался сквозь минные заграждения наших развалов и положил руку ему на плечо.

– Что загрустил, братишка?! – приободрил он. – По ходу дела ты потерял свой сидор?

– Нет. – Третий, всхлипнув, качнул головой в мою сторону, и вновь решился повторить подвиг Павлика Морозова. – Они отобрали!

Старшина сделал строгое лицо и, посмотрев на меня, спросил: «Он?!»

Третий кивнул, но так как старшина смотрел на меня, ему пришлось утвердительно что-то пробормотать.

– Хватит жевать сопли! Я тебя чётко спросил!!! Он?! – Старшина выпрямился по стойке смирно и даже телом чуть подался в сторону Третьего.

– Так точно! – У нашего юного ленинца появился голос, и он даже начал распрямляться, принимая несгибаемую позу Пионера Героя.

– Призывник Куделин, ко мне!

Я прошёл несколько шагов и встал перед ним.

– Объясни!

Я, не вдаваясь в подробности, пояснил, что почём, и замолчал. Многие разборки в моей дворовой жизни требовали краткости и конкретности – рассказ мой был прост и краток, как те понятия, по которым всё это и произошло.

– Так, тела, прошу внимания! Пока вы под крылом десантных войск, вы – одна семья! И пока мы все вместе – вместе с нами все наши радости, горе и трудности. Ясно?!

Каждый выразил своё согласие, но в нём единства не чувствовалось.

– Не понял?! Повторяю для особо тупых! Ясно?! – Он повысил голос, и это подействовало устрашающе.

– Так точно! – в один голос проблеяло наше стадо.

Старшина поморщился, но продолжил: “А раз вы все это приняли на веру, то давайте поделимся с нашим товарищем”.

Он посмотрел на меня и ткнул указательным пальцем в грудь: “Отдашь свой сидор и полотенце, а остальные... – его голос напрягся, приняв силу полкового командира, – поделится всем своим провиантом напополам!”

Душой я его решения не принял, но из чувства личной предосторожности не стал спорить и решил пока подчиниться, тем более очкарику уже никуда от меня не скрыться. Я двумя пальцами взял своё полотенце, на мизинец нанизал лямку рюкзака, потом принёс это к сияющему, как солнце, Третьему и с деланой сдержанностью положил всё перед ним. Когда я нёс уже не моё барахло, из полотенца выскользнуло ещё одно, поменьше, которое я на обратной дороге подобрал и вернул себе на телогрейку. К нашему Герою потянулась вереница данников – потоком их подношений управлял сам старшина. В конце концов, на бывшем моём рюкзаке образовалась внушительная горка съестных припасов, пара носков, зубная щётка, два тюбика зубной пасты и даже бритва.

– Ты, парнишка, не обижайся, в солдатском коллективе можно жить, если со всеми правильно дружить. А это тебе от меня, – и старшина достал маленький перочинный ножик с несколькими лезвиями, – пользуйся.

В это время к нашему стаду со стороны посёлка, воровато поглядывая на дежурного офицера, подошли ещё трое десантников: два сержанта и один ефрейтор. Сержанты, так же как и старшина, выглядели молодцевато, а вот ефрейтор явно до них не дотягивал. Вроде всё то же самое, но как-то слишком он был прост и зависим от своих младших командиров начальников. И форма на нём не совсем подогнана, и берет без уголка, без шика.

– Так, сейчас мы проведём маленькую тренировку, а затем у нас будет обед. Ясно?!

– Так точно! – Мы начали уже привыкать отвечать на вопросы.

Старшина повернулся к одному из сержантов и сказал:

– Сержант Трофимов (пауза), к первой строевой подготовке приступить!

Один из доблестных сержантов вышел перед нами по фронту и, подняв руку вбок на уровне плеча, скомандовал:

– Взвод! (пауза) В шеренгу! (пауза) По росту (пауза) стройся!!!

Все ринулись под его руку, чтобы, примериваясь друг к другу, выстроиться в шеренгу по ранжиру³. Суета была, но разобрались, как мне казалось, мы быстро. Но наши наставники были явно другого мнения, и после объяснения команды «разойдись» проделали с нами несколько повторяющихся построений. В результате через десять минут мы сносно и быстро научились вставать в строй и резво из него выходить. Мы перестали быть отарой, и нас можно было уже называть взводом, а наши пастухи усилием своей воли повысили себя до звания командиров.

Из ворот стали выходить офицеры разных родов войск – каждый был одет индивидуально: кто в сапогах, кто в ботинках, кто в кителе и в портупее, кто в рубашке, капитан морской пехоты – в чёрном костюме морпеха десантника. Вышли даже два морских офицера. Все проследовали в беседку и расселись на скамейке, которая была сделана по внутреннему кругу её ограды. Они курили, вели общие беседы, смеялись, не обращая на нас никакого внимания, словно мы для них были частью живой природы. Но появление офицеров преобразило наших

---

³ Ранжир – построение в шеренге по росту.

сержантов. Движения их стали чёткими, энергосберегающими, они словно подросли и стали шире в плечах.

– Так, построиться в шеренгу и предоставить свои личные вещи к осмотру! – скомандовал старшина, и мы быстро принялись выполнять его приказания.

Через полминуты стоял строй разнопёрых призывников, перед которыми на куртках и телогрейках лежал их скарб. При переноске с места на место кучки перемешались, и нам дали время поправить расположение вещей. Затем перед нами проследовал строй из ефрейтора и сержантов. Ефрейтор, нагибаясь, брал сумку или рюкзак в руку, чтобы убедиться в наличии в них пустоты, затем перемещался в сторону следующего призывника. Проверка выявила присутствие некоторых забытых вещей внутри бездонных сидоров. В основном это были шоколадные конфеты, но попадалась и более приземлённая пища – варёное мясо, куски курицы и несколько бутылок водки и вина. Все пищевые продукты из-загашников молча перемещались в пакет первого сержанта, а водка, вино и все средства гигиены, содержащие или могущие содержать спирт, перемещались в пакет другого сержанта. Всё происходило молча, но при появлении из очередной чёрной дыры спиртного Первые выказывали своё возмущение всевозможными кряканьями, выдохами и присвистыванием, а Вторые, у которых всё это скрывалось, в оправдание разводили руками, но с них никто объяснений не требовал. Кроме того, часть бутылок с автобусного стола также была вытащена на свет, так как убирая за собой, их резонно распахали по своим котомкам Первые.

По окончании проверки вдоль строя прошёлся старшина. Он показывал на теоретически опасную вещь, призывник поднимал её и клал в пакет ефрейтора. Таким образом, в нашем распоряжении оставались только еда, ложки, полотенца, носки, трусы и личные умывальные принадлежности. Всё остальное подлежало утилизации, часть заботы о которой приняли на себя сержанты.

И только Третьему была предоставлена привилегия в виде маленького перочинного ножика.

– Теперь, товарищи призывники, у вас есть время пообедать, располагайтесь поудобней прямо здесь и начинайте. Через полчаса на ваших столах не должно остаться ни крошки еды. Ясно? – произнёс старшина.

Сам он и его подчинённые скромно отошли в сторону и образовали круг, внутри которого стояло пять увесистых пакетов. Они так и простояли первые пять минут из тридцати, отведённых нам на обед. Мы же снова распались на Первых и Вторых. Первые отошли в сторону и, найдя клочок травы, устроили пикник на обочине. Вторые тоже кучканулись, но недружно и не более чем по трое. Те Вторые, которые хотели примазаться к Первым, но остались Вторыми, как-то невзначай оказались рядом с Третьим, но с ним не скооперировались. Когда Дирижёр начал удовлетворённо напоминать, что он нас об этом всё предупредил, подошёл старшина, присел на корточки и положил на стол бутылку вина.

– На, мужики, вам от нас, только, братки, сами не засветитесь и нас не палите.

Дирижёр быстро подхватил бутылку, подтянув её к животу.

– А как открыть то? – На бутылке была пластмассовая пробка.

– На! – Старшина выхватил из нагрудного кармана ножик бабочку и лёгким движением одной кисти умело его раскрыл. Движения руки были настолько быстры и безукоризненны, что у меня перехватило дух.

Дирижёр взял протянутый нож и так же виртуозно, в два приёма открыл бутылку. Теперь была очередь удивляться старшине. Я прикрывал стол своей спиной, Дирижёр разливал содержимое бутылки в единственную кружку, которая быстрым шагом прошла по кругу. Старшина пить не стал, поднялся и, спрятав свой привлекательный нож в карман, подошёл к Третьему.

Третий же снял куртку и сел на неё, подобрав под себя по-восточному ножки. Перед ним находилась его индивидуальная гора жратвы, над которой он возвышался, как шах – лицо вла-

стителю было просветлённым, а челюсти, ритмично работая, тщательно пережёвывали пищу. Периодически, подавшись чуть вперёд, он выбирал лакомый кусочек, тщательно осматривал его и аккуратно клал в рот.

– Ты чего выбираешь? Прошло пять минут, а ты ещё ничего не съел! Так в армии и с голоду помереть можно. Давай ка, друг, я тебе помогу, начнём отсюда. – Старшина серьёзным голосом наставлял Третьего. Сам он присел возле него и начал подавать ему всё, что попадало под руку.

К ним медленно подтянулись два наших сержанта, ефрейтор остался на месте. Мы внимательно стали следить за их действиями. Старшина и сержанты разговаривали с Третьим громко и нарочито ласково. Все слышали их реплики – диалога у них не получалось, так как основной участник вынужден был перемалывать пищу, как мясорубка мясо перед Новым годом

– Ты, братишка, ешь, ешь, не стесняйся.

– До завтрака кормить не будут.

– Мы б тебе помогли б, но у нас скоро обед, а обед солдат обязан съесть сам.

– У тебя вон сколько на обед, ты, дружок, старайся.

– Тебе повезло, у других ни хрена нет, а тебе вон сколько привалило!

– Ты, братишка, ешь, ешь, не стесняйся...

Каждая реплика подкреплялась какой-нибудь снедью, которая направлялась ему прямо в рот. Задача Третьего заключалась лишь в благодарном перемалывании пищи.

– Видишь, как твои товарищи о тебе позаботились, не пожалели самого вкусного и жирного.

– Что, запить? Сейчас запьёшь! Федулов, дай-ка нам компотика запить. – Ефрейтор покопался в одном из пакетов и, воровато прикрываясь от офицеров спиной, принёс бутылку вина.

– Ну ка, оформи. – Старшина посмотрел на Дирижёра, тот резко подскочил, и в мгновение ока бутылка была открыта.

– Куделин, подай-ка кружку, а то нехорошо, дали всё, а снаряд забыли. – Старшина откинул руку в мою сторону, словно хотел дотянуться через стол. – Ты не стесняйся, я с тобой как с другом выпью, – успокоил он Третьего и подставил поданную кружку Дирижёру.

Тот быстро налил до краёв и присел рядом с одним из сержантов. Я тоже решил остаться на представлении до конца. В образовавшемся вокруг Третьего круге было ещё одно место, туда я и пристроился, но так как от сидения на корточках у меня быстро устают ноги, то я встал на коленки и стал, как из партера, наблюдать за этой трагикомедией.

Старшина немного пригубил из кружки и поднёс её ко рту Мясорубки. Мясорубка молча покачал головой, как бы говоря: «Большое спасибо, но я не очень хочу пить».

– Что ты, не стесняйся, мне приятно тебе помочь! – произнёс старшина, словно он вот сейчас ослеп и оглох.

Мясорубка приоткрыл своё переполненное впихное отверстие, и Глухой принялся медленно, чтоб не выплеснуть через край, вливать “компот”. По мере наполнения Мясорубки живительной влагой в отверстии стали образовываться проталины, и в скором времени горловина вновь опустела. И сразу же услужливые руки продолжили подавать новые деликатесы, но как только производительность Мясорубки падала, в неё вновь по глоткам вливали средство для смазывания шестерёнок. В результате на не моём уже рюкзаке осталось незначительное количество еды, а когда у Мясорубки на очередной протянутый в его сторону кусок начались рвотные конвульсии, старшина отвёл руку дающего в сторону и произнёс: «Ну ты не видишь, что человек не может! Вообще, что вы на него навалились?!».

– Так мы ж, товарищ старшина, к нему от чистого сердца, видите, его хулиганы обидели, заставили насильно делиться, а мы что? Мы ничего! Мы у них отобрали и ему всё сполна вернули!

– Если вдруг его не к нам распределяют, то кто за него заступится?!

– Вот мы и помогли ему всё это спрятать, чтоб больше на его родное никто не зарился!

– Ладно, я вас понял, вы всё сделали правильно по чести солдата. Ты тут у себя приберись, а мы уж пойдём, покомандуем. – Наши командиры встали, за ними поднялись и мы.

Лица временных начальников отливали озорным задором, глаза сияли шалостью, которая удалась. Я получил полное удовлетворение, Третий – справедливое возмездие, а все мы – правильное учение. Проще говоря: «Один будешь жрать – подавишься!».

– Так, все, слушай мою команду. Посмотрите направо. Видите контейнер?! – Только что такой свойский старшина снова превратился в командира. – Остатки пищи выбросить в контейнер, оставшиеся вещи собрать в ваши котомки. Перекур пять минут и подготовиться к построению.

Когда мы курили и бурно обсуждали произошедшее событие, я увидел одиноко лежащий на земле мой бывший рюкзак, на котором красовались остатки недоеденной пищи, а рядом бесхозно лежала серая замятая куртка. Мой взгляд заметался по нашей толпе, затем я перекинул его на другие подразделения. Третьего нигде не было. Я подошёл к старшине и доложил.

– Товарищ старшина, очкарик пропал.

– Ты плохо знаешь своих товарищей, – подзадорил он.

– Почему?!

– Потому что доблестный и добросовестный солдат всегда выполняет приказания своего командира. – Смех сержантов поднялся над нашей поляной и полетел в разные стороны. – Ему было приказано избавиться от лишних остатков пищи, вот он от них и избавляется. – Смех усилился, а старшина, взяв меня своей сильной рукой, повернул в сторону контейнера. – Видишь, дорогой, вон то говно, а говну должно быть где? В параше! Я вижу, тебе быть сержантом. Учись управлять не рассуждая.

Я посмотрел в сторону контейнера, там, стоя на четвереньках, блевал наш Третий, он не мог стоять на ногах. Он просто блевал и блевал прямо под себя, орошая свои руки брызгами непереваренной пищи. Я подошёл к моему рюкзаку, нагнулся, аккуратно взял его. Остатки стола и хозяйственные принадлежности я пересыпал на лежащую рядом куртку. Рюкзак я бросил, и он, как раненая бабочка, приземлился возле моей телогрейки, все свои принадлежности я положу потом, а сейчас...

Я нагнулся, взяв полотенце, и решительной походкой пошёл к очкарику. Присел возле него и положил ему на спину ладонь. Он перестал блевать, но тело ещё продолжало сокращаться, правда, эти сокращения затухали. К нам подошёл один из несостоявшихся Первых, отвергнутый Вторыми, опустился на корточки и положил свою руку рядом с моей ладонью. Во второй он держал литровую стеклянную, из-под молока, бутылку, заполненную на три четверти водой. Я молча протянул полотенце, и он стал его аккуратно напивать водой. Очкарик уже перестал корчиться, а лишь иногда икал – спина его обмякла, живот провис. Мой напарник аккуратно снял с него очки и протёр лицо и губы. Я привстал и, обхватив с боков, поднял потерпевшего на ноги, тот был ватным, и чтобы поставить его в вертикальное положение, потребовалось определённое усилие. Наконец, мне удалось зафиксировать его на ногах – он стоял, вытянув перед собой руки, по которым в области больших пальцев сползали остатки извержения. Я взглядом попросил Второго придержать его, взял мокрое полотенце, развернул и вытер руки несчастного. По мере того как рука становилась чистой, Герой сам её опускал. Мой помощник своим платком протёр ему очки и вернул их на место. Очкарик перестал икать, а когда очки приземлились на его переносицу, в лицо стала поступать кровь. Небольшим усилием руки я направил его к куртке, и тот медленно понёс своё тело в указанном направлении. Мой поступок оценили только десантники, а старшина, подойдя, протянул руку. Я принял рукопожатие и, вернувшись к вещам, уложил их в отвоеванный мной рюкзак. Товарищ же довёл очкарика до куртки, помог надеть её, а остатки барахла распихал по карманам.

Всех позвали на построение, мой товарищ пошёл укладывать свои вещи, я подошёл к нему и дождался, когда он закончит сборы.

– Саня. – Я протянул руку.

– Костя, – искренне улыбаясь, ответил мой Друг.

Конечно, в автобусе мы почти все перезнакомились, но жизнь серьёзного города научила меня воспринимать людей не по именам, а по поступкам. Моё рукопожатие передало часть тепла руки старшины, и мы с моим новым Другом уже сейчас, на дальнем подступе к армии, обрели семью, и семья приняла нас.

Прибыли

Командиры в беседке стали подниматься и разминать ноги. Они выходили из неё по одному и, пройдя пару шагов, останавливались, чтоб со своего места взглянуть в ряды выстраивающихся ополченцев. Оценив обстановку, они удовлетворённо кивали головой и поворачивались лицом к выходу из беседки – на выходе стоял дежурный капитан. Он отдал какое-то распоряжение – всё засмеялись и, развернувшись, пошли в ополчение.

Сержанты к тому времени закончили построения и разместились с правой стороны от своих подразделений. К ним подошли командиры. У нас был капитан десантных войск. Изда-лека он был похож на лётчика, и только значки на петлицах подтверждали его принадлежность к элитным родам войск.

Появление в строю офицера внесло в наши ряды напряжение: волнения в колоннах ополчения прекратились, воцарилась тишина, и только радостное чириканье воробьёв нарушало торжественность момента.

Перед выстроившимся войском вышел дежурный капитан.

– Равняйся, смир-р-но! – До подачи команды капитан сам принял стойку смирно, потом расслабился и, поведя головой слева направо, проверил чёткость её выполнения.

Мы явно постарались его удовлетворить, и он скомандовал: «Вольно!»

– Товарищи Призывники! – Воробьи замолчали и тоже начали прислушиваться к голосу военачальника. – Вы все прибыли на сборный пункт Уральского военного округа Егоршино. Здесь по мере формирования ваших команд вы пробудете от двух до четырёх дней. Условия пребывания спартанские, призывнику позволяется перемещаться по территории части только в составе колонны и только в сопровождении лица, облачённого в военную форму одежды. Сразу предупреждаю, что мера нашего наказания проста, кто не соблюдает распорядок и не выполняет указания своих временных командиров, будет отправлен служить на курорты популярного круга. Ясно?!

– Так точно, – послышался ответ обречённых на стужу.

Для поднятия боевого настроения капитан ещё несколько раз, усиливая голос, поинтересовался у нас: «Ясно?!», а мы, в свою очередь, чтоб его не огорчать, всё дружнее и дружнее отвечали на его вопрос: «Так точно!!!»

– Так, понятно, время есть, отработаете! – Капитан поднял папку, зажатую в левой руке, и произнёс: «Я сейчас буду зачитывать пофамильно и называть команду! Каждый, услышавший свою фамилию, должен отвечать громким: Я! Затем я назову номер его призывной команды. Каждый запоминает свой номер и ждёт следующих распоряжений. Ясно?!»

– Так точно!

Воробьи, влюблённо слушавшие капитана, вдруг, чего-то испугавшись, поднялись и с криком бросились врассыпную. Один из них, видно, от нервного срыва, пролетая над нашим строем, открыл свой бомболюк и на мою левую грудь повесил первую для меня ратную награду.

Капитан принялся неустанно произносить фамилии, имена и отчества, после утвердительного «Я!» он громко, с расстановкой называл номер команды. Список был длинным, зачи-

тывал он его в алфавитном порядке. Номер моей команды был 245, или 247, или 248 – неважно, главное – передо мной оказалась дверь в десантные войска. Другие войска я уже не приемлю. Ну, уж очень их сержанты слабы против наших, а я обязательно должен был стать сержантом. Из общего строя прибывших в мою команду попало человек двадцать и Костя, что меня очень порадовало.

Когда чтение именного списка закончилось, капитан поднял глаза и спросил: «Кого не зачитал?».

И что вы думаете?!

Наш Третий поднял руку, сил крикнуть у него ещё не было. Капитан подозвал его к себе и принялся вновь изучать списки, а нас стали громкими голосами зазывать офицеры. Они вышли из строя и, не перебивая друг друга, громко произнесли номер своей команды, так повторилось три раза. Мы же, услышав назначенную нам цифру, должны были скучковаться возле офицера своей команды, а его сержанты ставили нас в коробочку. В результате всех этих перестроений вдоль дороги образовалась колонна, разбитая на неравные части. Третьего увёл капитан, а для нас прозвучала команда:

– Равняйсь, смирно, вперёд шагом марш!

И мы, как пьяная сороконожка, двинулись в сторону дружелюбно распахнувшихся для нас ворот.

– Ну, встречай нас, родная Армия, мы прибыли, прими нас с миром! – вырвалось у меня из груди.

– Разговорчики в строю! – подал голос офицер.

Часть 2: Пункт сбора

Остаток первого дня

Пункт сбора – большая территория, огороженная бетонным забором, на которой с правой стороны располагалась трёхэтажная панельная казарма (этажность точно не помню), за ней был просторный спортивный городок с вытоптаным футбольным полем. Центром являлся большой заасфальтированный плац, слева от него стояли бревенчатые столовая, две казармы и в отдалении – штаб. Где располагалась гостиница для офицеров, не знаю, да мне и не надо.

Основной растительностью в периметре пункта были сосны. Ближе к воротам густоту деревьев можно было назвать лесом, вглубь и в сторону от бетонной казармы растительность менялась вплоть до полупустыни. Практически вся местность была вытоптана, корни высоких сосен выпирали из земли и походили на щупальца осьминога. Везде организованными кучками располагались разрозненные отряды ополченцев. Нас отвели за казарму и расположили на спортивном городке. Через некоторое время к нам присоединилась ещё одна часть соратников во главе с известными нам сержантами. Как потом оказалось, это мы были их добавкой, а не они нашим пополнением. Самые старые из парней прибыли сюда три дня назад, поездом. Затем к ним стали медленно подвозить остальных.

Основная задача состояла в том, чтобы скоротать время от подъёма до отбоя. Спать на земле нельзя, сидеть можно только на скамейках, а их катастрофически не хватает. Перемещаться следует только организованной толпой, баня бывает, но её ещё никто не видел. Кормят парашей, а ложку надо иметь свою. На довольствие вновь прибывших поставят завтра, а пока сосите ...уй. Чтобы не было скучно, нас разделили на две команды и устроили спортивные соревнования. Мы делали всё: отжимались, бегали наперегонки, подтягивались, упражнялись в строевой подготовке, играли в Чапаевцев. Наши сержанты также принимали горячее участие, словно на кон было поставлено не время, которое нужно убить, а реальная жизнь. Старшина вальяжно сидел на скамейке и, как мне казалось, сочинял стихи. Он внимательно следил за нами, затем отводил глаза и делал какие-то записи в блокноте. Выглядел он умиротворённо и вселял спокойствие. Медленно приближался вечер, утренний хмель давно вышел, вода в уличных поилках была ржавая и тухлая, голод накатывал с удвоенной силой. Я уже готов был выйти на охоту, но по кругу ходили лишь стада голодных безлошадных ковбоев и ни одного бизона, чтобы хоть сырым мясом, но утолить свой голод и жажду.

Солнце уже готовилось завалиться за ветки стоящего вдалеке леса, когда старшина привёл из столовой отряд обстрелянных ополченцев. Он позвал нас, и мы, как голодные шакалы, подступили к более удачливым однополчанам, которые светились здоровьем и сытостью. Их животы от приёма пищи распухли и выпирали. Глядя на эти довольные хари, было ясно, что в беде нашей они нам не товарищи.

– Так, Тела, подошли и встали вокруг плотным кольцом! – скомандовал старшина.

Мы, нехотя передвигая голодные тела и волоча ноги, выполнили наш предсмертный приказ.

– Доставай! – произнёс благодетель. – У вас три минуты! Всё сметать, крошек не оставлять! И языком не трепать!

Как на евреев, на нас посыпалась манна небесная – сытые товарищи из-за пазух начали доставать буханки хлеба и, разламывая каждую, передавать нам – узникам Освенцима. Мы, не спрашивая, откуда такое чудо, вгрызались в свежий безвкусный хлеб и жевали его, жевали, жевали. По одному и попарно мы начали отбегать к водопойке и сладкой сырой водичкой запивать последние куски застрявшего хлеба.

Когда трапеза закончилась, мы вновь приняли облик готовых к бою ополченцев.

К старшине ускоренным шагом подошёл ефрейтор Федулов. Лицо его было озабоченно, он что-то быстро проговорил и сделал шаг назад и в сторону.

– Рота, стройся! – громко, как сирена, проревел старшина.

Умиротворение от сытного ужина исчезло мгновенно.

«Вот неугомонные, раз пожрали, то надо б и поспать!» – крикнул я, не сходя с места, но и не открывая рта.

Менялось всё, менялся и я, теперь мыслей становилось больше, чем слов.

Рота мгновенно обрела строй. Каждый из трёхсот пятидесяти человек уже знал своё место, так как в промежутках между физкультурными играми мы тренировали строевые навыки. К исходу дня автоматизму нашего построения не могла бы помешать даже шрапнель – мы всё равно смогли бы составить строй с учётом восполнимых потерь. Муштра из фильмов про царизм без героизма выплеснулась из глубины веков и навалилась на нас, невзирая на современность.

В этот раз нас решили научить двигаться строем. Старшина встал так, чтобы по его фронту была видна та часть городка, где размещались столовая и штаб, и я, перемещаясь в теле строя, начал косить глаз в ту сторону. Там что-то назревало.

Возле штаба стоял офицер с повязкой, к нему подошли два офицера нашей роты и двое из столовой. Немного постояв, вся эта толпа двинулась по направлению к нам. Старшина командовал, мы делали движения, толпа надвигалась. Вскоре они подошли и, изучая нас, остановились на краю футбольного поля, по которому мы отбивали чёткий шаг.

– Рота, стой! Старшина Маковецкий, ко мне! – скомандовал майор десантник.

– Рота, стой! – повторил команду старшина, мы встали как вкопанные. – Есть! – Он принял руку к виску и ускоренным шагом пошёл к своему старшему командиру. Не доходя до него, он сбавил обороты и, сделав три строевых шага, остановился. – Товарищ майор! Старшина Маковецкий по вашему приказанию прибыл!

– Поясни мне, как долго вы занимаетесь строевой? – Майор произносил слова намеренно громко.

– Последние полчаса! – в таком же тембре ответил старшина.

– Кто водил призывников на ужин?

– Ефрейтор Федулов! – слукавил старшина.

– Вот видишь, капитан, тут какая-то ошибка. – Майор повернул голову в сторону дежурного по сборному пункту.

Тот сделал шаг в нашу сторону и обратился к строю: «Прибывшие сегодня, поднять руку!».

Руки взметнулись вверх и замерли в ожидании следующего указания.

– Ты! – Капитан указательным пальцем показал на меня. – Ко мне!

Я стоял во второй шеренге, но выходить из строя нас уже научили. Проделав нехитрые манипуляции, я вышел из строя и пародией на строевой шаг подошёл к дежурному.

– Призывник Куделин по вашему приказанию прибыл.

– Призывник Куделин, что вам выдали сухим пайком из столовой части?

– От мёртвого осла уши, товарищ капитан! – С явной издёвкой я повторил афоризм незабвенного Остапа Бендера.

– Ты что? Сука! – Капитан, не оценив юмора, сделал шаг и занёс кулак, но совершить задуманное ему помешал майор, который, перехватив руку, резко повернул его к себе.

– Разорву, успокойся! – процедил майор. Его слова слышали только рядом стоящие и я. – Куделин, встать в строй!

Я вернулся на своё место, а пока мои однополчане, раздвигая ряды, пропускали меня, дежурный капитан и его два сопровождающих ретировались в сторону штаба.

– Значит так, я ваш командир роты временного состава. Я прибыл из сорок четвертой учебной Десантной дивизии, которая располагается в Литве. Вас у меня триста пятьдесят человек. Со мной поедут двести восемьдесят. Так что в ближайшие трое суток вам предстоит пройти естественный отбор. У вас будет время проявить себя, пока формируется эшелон в нашу сторону. Как видите, один себя уже проявил, и ему светит получить медаль за охрану урановых рудников на Новой земле, и конечно, посмертно. Всем ясно?!

– Так точно! – дружно, в один голос, ответил коллектив, но моего голоса в нём уже не было.

– Разойдись! – Мы резко выпрыгнули из строя, как нас уже научили. – Перекурить и приготовиться ко сну, – закончил свои команды майор.

Я стоял молча, опустив голову, словно цветок без воды, забытый в вазе на подоконнике. Несправедливость накатила на меня снежным комом, из-под которого я не мог выбраться, ко мне подходили братья по ополчению и Костя. Они говорили мне что-то ободряющее, но я их не слышал. Я неполный день был десантником и уже свыкся с мыслью, что им стану. Мне даже в страшном сне не могла присниться другая форма. Всё рушилось и ломалось, впору было уже стреляться. Но вдруг меня с двух сторон приобняли два сержанта.

– Не дрейфь, у нас своих не бросают. – Один заглянул в лицо и подмигнул. – Ты ж один из нас, у тебя на лбу курица нарисована.

– Почему курица? – Мне в пору заплакать, а они издеваются.

Я повёл плечом: «...я им не Третий, меня они хрен разведут!»

– Курица – это название нашей эмблемы, понял?! – Один из сержантов меня отпустил, зато другой приобнял сильнее.

Моё тело приняло положительный заряд, переданный сержантами, но опаска где-то в душе осталась.

Каждый из призывников носил свои мешки или котомки с собой, и у многих ополченцев это был обязательный атрибут, у нас же назначались три дневальных и один дежурный. Обязанности у них были следующие: дежурный распределял время охраны между дневальными и следил, чтобы, стоя на посту, они не заснули, а дневальные, в свою очередь, подчинялись дежурному и охраняли наш склад вещмешков и котомок. Склад устроили на спортгородке, прямо на земле, между двумя тренажёрными скамейками. Кроме того, дежурный и дневальные в столовой перед приёмом пищи получали на всю роту хлеб, масло и сахар. Именно во время такого получения наши сержанты прессанули пехоту и тем самым спасли нас от голодной смерти.

Вечер начал отливаться сумерками, когда призывников свободным строем повели спать в бетонную казарму. Весь день её двери были заперты, и если кто и входил, то это был обязательно человек в погонах, но день закончился, и требовался отдых. Нас загнали на третий этаж. Там стояли бескрайние двухэтажные нары, сколоченные из плохо оструганных, неокрашенных досок. Не помню, был ли свет в казарме, мне кажется, что ночь сама навела светомаскировку. Я забрался на второй ярус, подложил свой худой рюкзак под голову и резко провалился в сон.

Первого сна в армии я не помню, но точно помню, как меня кто-то потянул за ботинок. Я проснулся, кругом было темно. Двое, взобравшись на нары, копошились у нас в ногах, их размеры можно было определить только на просвет окна, которое находилось прямо напротив моего места.

– Эй, душара, деньги есть?! – Один настырно тянул меня за ногу и начинал её выворачивать.

Второй теребил рядом лежащего Костю. Я молча начал подтягивать ногу.

– Ты чё, не понял?! Деньги гони, душара! – Первый изловчился и пнул меня в область паха.

На нарах встать в полный рост невозможно – потолки низкие, стоя не подерёшься, но тот не знал, что я занимался боксом, а боксёр удар не видит, а предвидит!

Чтобы удержать равновесие во время пинка, этот ниндзя опёрся на мою ногу. Так как от удара ноги мне было не уйти, я приподнял свой зад, и пинок пришёлся на ляжку, после чего я резко опустил тело вниз и зажал его правую ногу. Теперь он был полностью в моих руках, точнее, в моей правой ноге, которую я притянул к своей груди. Когда же противник оказался на расстоянии удара, я, не раздумывая, врезал ему в рожу. Тот подскочил, я резко сел, боднув его головой в живот – ниндзя опрокинулся назад, я приподнялся, чтобы его нога смогла выскользнуть из-под меня. Тем самым я спас его ногу от перелома, но не спас её обладателя от падения головой вниз со второй полки наших нар.

Костя проснулся и, не понимая, чего от него хотят, затеял бессмысленный диалог. Но второй, увидев, что его соратник соскальзывает вниз, решил навалиться на меня. Этот экземпляр был покрупней. Я опрокинулся вновь на спину и обеими ступнями принял тело противника на себя, затем резко выпрямил ноги, отчего мой неопознанный друг проделал путь своего предшественника. Звук упавшего тела был глухим, что дало повод подумать о взаимовыручке – вероятно, первый, спасая друга, подставил своё ранее свалившееся тело под товарища. Через долю секунды раздался вой двух поверженных врагов. Внизу закопошились, зажегся фонарик.

– Вы чё, суки, мабута сраная, нюх потеряли?! Мы вас предупреждали к нам не ходить, наших не трогать!!!

– Нет, братки, мы просто спьяну попутали! – Шорох усилился, вероятно, ночные призраки старались принять вертикальное положение.

– Какие мы тебе братки? Ты, соляра ёбаная, вошь тыловая, второй этаж с третьим перепутал?!

– Гоним! Морду лица не трогать! – звучали голоса моих родненьких сержантов.

Когда враг с этажа был изгнан, сержанты вернулись к своим местам. Но перед тем как лечь спать, кто-то приподнялся над вторым этажом нар и осветил на меня фонариком. Костя спал, а я притворился. Залётов мне хватало, надо было выправлять положение и становиться умненьким благоразумненьким.

Остаток ночи был, как в бреду: прерванный сон, враги, которые ползли через границу, усиливающаяся духота второго яруса, храп, постанывание и теснота – всё это выпило из меня силы, которые нужны были для следующего дня. Когда стало светать, наконец то пришёл крепкий долгожданный сон.

День второй (отбор)

Страшной команды «Рота!! Подъем!!!» в армии нет – она наполняет просыпающуюся душу такой паникой, что впору её отменить. Никто не проводил статистики на предмет сравнения долголетия между служившими в армии и теми, кому не повезло. Первые должны проиграть, и виной всему эта команда.

– Рота!! Подъем!!! – Раскат грома проникает в твоё сознание, вжимает в кровать, и взрывная волна как от удара молнии выкидывает тебя из постели.

Я спрыгиваю с верхней полки нар и приземляюсь на плечи стоящего внизу, тот матерится, упав на колени. Отпустив его голову из моей промежности, несусь к выходу, не обращая внимания на летящие в спину угрозы и вопли.

– Убью, сука! – кричит сержант. Ему привалило счастье с небес, и он на короткий миг стал аэродромом для моего откормленного зада.

Именно по этой причине, если мне за годы службы доводилось спать на двухъярусной кровати, невзирая на моё положение и звания, я всегда спал наверху.

Кто придал бешеный ритм потоку с третьего этажа, не знаю – я проснулся на улице. Горнист ещё не закончил выдувать свои последние ноты, а мы уже стояли перед казармой, изображая своими телами строй. За последним выбегающим нашей роты вышел довольный прапорщик, который, пройдясь вдоль строя, сделал ряд язвительных замечаний по поводу нашего внешнего вида и скорости построения. Он с нескрываемой иронией рассматривал нас, словно взвешивал каждого на своих внутренних весах.

– Да, сынки, состоите вы из опары и говна, которые мы отожмём, чтоб наполнить вас сплошными достоинствами. Сегодня мы займёмся спортподготовкой, а результаты дня определяют вашу принадлежность в рядах вооружённых сил. – Его голос мне смутно что-то напомнил. Я вслушивался, но вспомнить не мог. – А сейчас вы освободите свои слоновьи тела от излишне толстого покрова, и мы займёмся зарядкой.

– Разойдись! – прозвучал бодрый голос старшины.

Сам он и все наши младшие командиры были с голым торсом. Если б вы видели, как это красиво! Крепкое мускулистое тело, имеющее талию, размещалось на упругих небольших попках, сквозь штаны чувствовались крепкие мускулистые ноги.

Раздевшись до голого торса, мы постарались достойно разложить свои вещи на пустующих скамейках. Достоинства не получилось, приказ был невыполним, так как однообразия из разнопёрой одежды составить невозможно. Но в армии мнение каждого ничто по отношению к мнению командира. Небольшая, но повторяющаяся тренировка для достижения однообразия прошивает все ваши будущие действия, оставляя неизгладимый след в расстановке вещей, приоритетов и мыслей.

Мы всё время тренировались. Муштра – иного названия этим возвратно поступательным действиям нет. С первой секунды нас прессовали за каждое выражение самостоятельности. Индивидуализм в армии уничтожается на корню, и ничего нового со времён первых организованных войск Карфагена и Рима не изобретено. Воля одного, неоднократно повторенная всеми, становится желанием каждого.

Сначала прапорщик на примере одного комплекта белья показал, как оно должно быть заправлено и каким образом размещено на полках нашего “магазина”. Затем нам пришлось бесконечное количество раз украшать эти “полки”. В конечном итоге мы добились ожидаемого эффекта единообразия, и администратор “торговой точки” смилостивился над нами. Он ходил между рядами полок и выборочно сбрасывал не понравившиеся ему вещи прямо на пол, точнее, на землю, и не беда, что во время броска лежащие рядом вещи теряли форму, но мы с покорным сердцем готовы были услужить ему, чтобы снова и снова их заправлять.

Пока мы играли в этот армейский магазинчик, на освободившееся после нас место перед казармой стали выплёскиваться волны селевого потока в виде беженцев, нёсших свой незатейливый скарб. Последними в потоке были два сержанта в погонах разного цвета. На лице одного – фингал в пол лица, голову второго украшала рельефная гематома в области правого виска и уха. Вероятно, эти отметины были получены в борьбе со стихией, которая их победила, а может, у них просто вечер не удался (или ночь?).

Нас построили чуть в стороне и дружным строем повели в туалет.

Кирпичный туалет, внешне напоминающий коровник – сортир на пятьдесят очкомест. Изнутри он белый и весьма, весьма вонючий. Добрым помыслом ветеринарной службы наши стойбища были обсыпаны белым порошком. В дырках, в которые мы метко направляли наши вчерашние вливания, копошилась живая масса, состоящая из биологически активной пасты почти кремового цвета с сытыми и оттого радостными червячками, на которых рыба в наших водоёмах готова ловиться до бесконечности долго и много. Главное в этом месте – не попадать струей на кучки белого активного порошка, так как, пенясь, он начинал выделять такой запах, что ноздри выворачивало, а глаза медленно выпаривались. Эта атмосфера действовала как ускоритель – выдохнув, мы быстро заходили, производили необходимые манипуляции и

выбегали. Тем самым рота на утренний туалет затратила минут шесть, а мы – всего лишь два три вдоха.

Затем была зарядка: мы, как пони в зоопарке, бегали вокруг футбольного поля, когда второй фронт ополчения плотной массой пошёл на штурм туалета; мы активно корчились на брусках и висели в виде пыльных ковриков на перекладинах, когда, деморализованные окружением, эти же ополченцы решили на плацу затеять зарядку. Этой пародией руководили те самые сержанты, которых вчера привёл наш старшина.

Выделяясь из толпы, два раненых сержанта стояли на краю плаца и внимательно всматривались в наши ряды. Их нервное обсуждение известной только им темы меня настораживало, но на сегодня моей главной задачей было всеми силами вцепиться в шанс стать десанником, а их было пять к одному. Меня удручала мысль обрести таких вот драных командиров, и поэтому шестым быть не хотелось. И я начал прилагать усилия и делать определённые шаги.

Вторые из нашего автобуса кучковались возле меня. Из Первых в нашу команду попали я и Дирижёр. Но Дирижёр своим языком уже всех достал, наши от него шарахались, а новые знакомые, завидя его, переходили на другую сторону улицы. Я же просто замолкал и не отвечал на его вопросы, но если он всё же настаивал, то цедил сквозь зубы: «Отъебись!». Эта ёмкая по своему значению фраза действовала на него отрезвляюще. Он резко прекращал общение и как-то весь сникал, обретая вид жёванной сливы.

А вот начинал он как бы издали, непринуждённо набирая с каждым словом в себя воздух. Уже через несколько фраз он занимал почти всё пространство возле тебя. По сути, ты ему уже и не нужен был, так как, закончив свой монолог, он раздувался до таких размеров, что тебя и остальных слушателей просто отбрасывало в разные стороны, и докричаться до эпицентра было невозможно. Он был обречён, так как в поисках почитателей дошёл до сержантов и шурил глаз на старшину. В мой список он не входил.

Зато я присмотрелся к другим автобусникам – среди них был Костя и пара комсомольцев, ходивших в ночные рейды по освещённым улицам нашего города, олицетворяя смелость общественных дружин. Их я решил не трогать: Костя – друг, а пара податливых болванчиков мне пригодится. Мои лидерские качества снова начали оживать и медленно просачиваться наружу.

Перекладин и брусев на всех не хватало, и нам это давало короткий отдых, во время которого небольшие кучки собирались в отдалении от снаряда и могли между собой переговорить. В каждой группе были свои лидеры, и эти лидеры вели свою определённую работу, а я вёл свою.

– Видите, парни, какая лафовая жизнь у доброй матушки пехоты?! – Мы стояли, глядя на бушующее грязное море, разлившееся на плацу. Волны разной величины и силы, которые изображали поднимающиеся руки, в беспорядке металась из стороны в сторону. Море явно штормило.

– А нас, скорее всего, похоронят. Это ж просто пиздец, если так будут дрочить, нам и до армии не дожить! Не удивлюсь, если в поезде всю дорогу нас продержат по стойке смирно.

– Ты чё!?! – Костя подал голос.

С Костей мне было хорошо, он много не говорил, да и говорить то было не о чем, места и времени для душевного разговора у нас ещё не было, а болтать просто так – для этого есть Дирижёр. Но с момента нашего первого молчаливого общения между нами появилась связь, которую объяснить невозможно, да и не нужно. Повернувшись в его сторону, я ответил одним взглядом, слегка качнув головой и поджав губы: «Не мешай!». «Понял, рули», – безмолвно согласился он.

Но бывали моменты, когда он со мной спорил, а я отступал, но противостояния между нами не было. Чуть позже, улучив момент, я поделился с ним своими соображениями, поморщась, он принял мою сторону и, чтобы не мешать, отдалился от меня, прихватив с собой эту парочку дружинников.

– Смотрите, сержанты на них даже не обращают внимания, а наши – посрать строем, жрать строем, спать строем. Вон, на Федулова глянь – явная задрота!

– Да а, – мечтательно произнёс один. И это «Да» явно в моей команде разбудило умы.

Но долго размышлять я им не дал. Возле турников произошла заминка, и я быстро, без очереди занял место под перекладиной, тем самым подав пример всему отделению.

Упражнение было простое. Перед зарядкой нас всех разделили на отделения, в каждом двадцать человек. В нашем отделении старшим был я. Старшина Маковецкий, воспользовавшись своим правом, передвинул меня из центра строя в первую шеренгу, в которой стояли назначенные прапорщиком командиры отделений. Это повышение я получил просто так – без подлиза и нытья. Перед зарядкой в каждом отделении были определены первый и второй, так как все силовые упражнения выполнялись вдвоём.

Сейчас была перекладина, а это:

«Вис!» – на это слово ты слегка приседаешь, отведя опущенные руки назад, взгляд устремлён на перекладину турника. Твой второй номер к этому моменту встаёт за тобой и готовится, схватившись с боков за твои штаны, чтобы помочь тебе допрыгнуть до цели.

«Принять!» – сильным толчком ног ты отрываешься от земли и выбрасываешь вверх руки, а за ними и всё тело, стараясь зацепиться пальцами за перекладину. Если силы твоих мышц недостаточно, то второй номер помогает тебе добиться цели. Когда цель достигнута и первый повис, второй останавливает качание тела и разжимает свои пальцы – теперь его руки – страховка гимнаста, а если надо, то и помощь.

– На счёт раз подтянулись! На счёт два опустились!

– Р а аз! – И ты начинаешь подтягиваться.

Второй номер страхует или помогает. Как только твоя голова поднялась над перекладиной, ты должен напряжением своих мышц закрепить успех и дожидаться следующей команды.

– Д в а! – С растяжкой звучит долгожданная команда, но прозвучит она только тогда, когда над всеми десятью перекладинами покажутся все головы принявших до этого вис.

Отсутствие силы у первого компенсирует второй, который тягает его за штаны, дабы выполнялась поставленная задача. Жуткая вещь – тягать и себя и товарища, но взаимовыручка в армии как раз с этого и начинается. Если я мог, уцепившись за перекладину, подтянуться шесть раз, то доставшийся мне второй был мешком с костями и песком. Мой случай был не исключением, были пары, которые так и не смогли поднять друг друга. Их было мало, но всё же их наличие повышало шансы моего проходного балла. Однако трудность не в индивидуальном выполнении парой поставленной задачи, а в коллективном. Упражнение выполнено только тогда, когда все пары отделения достигли цели. Вот и приходится висеть из последних сил, сжимая пальцы, пока все отстающие пары не выполнят «Вис!» или «Раз». Но если вы думаете, что команда «Два» – это благодать, то ошибаетесь. Бросив своё тело вниз, можно сорваться, и тогда твои пальцы будут отказываться вновь схватиться за перекладину, чтоб продолжать упражнения. Второй номер начнёт тебя подбрасывать и уставать за тебя и вместе с тобой. Мученья кончатся, но, поменявшись ролями, они придут с удвоенной силой, чтоб вымотать обоих окончательно. Мысли начинают пронзать мозг, который уже обеспокоен за уставшее тело, и только стремление к намеченной цели поможет преодолеть панику твоих мышц, чтоб заставить разум подчиниться обстоятельствам. Обстоятельство, заставлявшее нас терзать себя, называлось отбором в десантные войска.

– Ну как?! – Я продолжаю свою работу.

Ответов нет, все до одного устали и смотрят на разбредающихся с плаца волонтеров, которым поднятие ног чуть выше пояса заменило все силовые упражнения. Пока следующее отделение, изображая из себя гимнастов, повторяет наши потуги, мы отдыхаем. Многие присели на корточки и тяжело дышат, кто то, согнувшись вбок, держит колющую печень и лишь немногие ведут себя по-спортивному и готовы к следующим неприятностям. Моим вторым

номером был Дирижёр. Я его уже не просто недолюбливал, а ненавидел! Это про него сказали: «Пиздеть – не мешки ворочать!»

Отдых в армии – смена работы, и, чтоб нам было не скучно, нас запускают на три круга вокруг футбольного поля. И мы отдыхаем, поднимая высоко ноги, чтоб не пылить и не раздражать нервы младшего командного состава. Интенсивность занятия полностью убивает мысли и запирает в пересохших глотках слова. Правда, сержанты и прапорщик, словно прогуливаясь, ведут обсуждение нашего спортивного состояния, нисколько не стесняясь в выражениях. Из их высказываний вытекает только одно: что мы поторопились со сроком появления на свет и пол наш не соответствует действительности.

После оздоровительного бега – хождение по брускам на руках, потом лёгкая пробежка и снова брусья. Только на этот раз – качание пресса. Смысл всё тот же – ты первый, он второй, и надо сделать десять раз. Час зарядки нескончаем, задания преодолимы, но усилия запредельны и наводят на мысль – если мы ещё не в войсках, что же будет там?!? Комментарии излишни: когда мы возвращаемся с зарядки, все уже умылись и толпой, изображающей строй, двигаются в сторону столовой.

– Рота! Стой! – Прапорщик прямо на скаку остановил нас, и мы замерли как вкопанные, только маленькое облачко пыли продолжило свой бег. – Сейчас, товарищи призывники, вы подниметесь на этаж, и каждый возьмёт полотенце с умывальными принадлежностями. Построение через четыре минуты, время пошло. Разойдись!

Полдня, ночь и утро научили, что фраза «Время пошло» в корне ошибочна. «Время прошло!» – вот её истина и изнанка: как ни старайся, но все твои первые усилия нацелены на опоздание, чтобы затем производить повторения. Правда, количество повторений прямо пропорционально опозданиям.

Бежать по ступенькам вверх после столь насыщенного спортивного утра тяжело. Даром что ноги, наполнившись свинцом, словно не твои, так и мышцы рук и спины надулись так, что любое воздействие извне изливается из тебя матом. Толпа разнопёрых кандидатов старается взлететь на третий этаж, при этом мат и бесконтрольные выражения сыпятся во все стороны, заставляя содрогаться стены подъезда. Время, которое уже почти что прошло, не даёт перелиться в конфликт, а гонит вверх – по нарам. Мой рюкзак лежит на втором ярусе. Вот так запросто на него теперь не залезть. Косые мышцы спины напряжены и руки совершенно непослушны. Я подставляю под Костю свою спину, и он запрыгивает на второй ярус, где начинает, полусогнувшись, бегать по нарам и всем сбрасывать котомки, вещмешки и рюкзаки. Однако наличие возле тебя твоего сидора не спасает положения, так как пальцы, уставшие от перекардидины и брусьев, не могут производить движений, породивших от обезьяны человека.

– Пацаны! Не ебитесь! Сыпьте умывальные на полотенце и бежим! – Дельный совет рационализатора принят, и, побросав свои сидора на первый ярус, все мчатся назад.

Двери все ещё выпускали нас из здания, когда прапорщик опустил руку с часами и посмотрел на напитывающийся строй.

– Ладно, на первый раз прощаю, но следующий раз... – Прапорщик не стал нам объяснять, что будет в следующий раз.

В сознание начало прокрадываться понимание, что десант – это каторга, и чтоб девки перед тобой бросали трусы, а парни бежали в кусты, эту каторгу придётся испытать до дна. Не поддавалась пониманию вся эта спешка – куда спешить? Впереди столько времени, что эти бранные потуги можно было бы и сократить!

Зажав непослушными руками котомки полотенце, мы стройной колонной перемещаемся в сторону умывальника. Умывальник – длинное корыто, установленное на столбах, со сливными отверстиями прямо на рельеф местности, и водопроводная труба с дырками, в которые вставлены клапаны в виде гвоздей. Ты поджимаешь клапан снизу – вода течёт, отпускаешь – не течёт. Так и моешься. Пока мы принимали ванну, пехота уже стала вытягиваться из столовой.

– Представляете, как нас задрочат, когда приедем в часть?! – продолжил я свою работу. – Нам, парни, пока не повязали, надо съёбывать.

– Как съёбывать? А если поймают? – процедил один из Вторых.

– Как, как? Культурно. Надо просто без пыли перевестись в другие войска.

– А как?

– Надо подумать. Пошли. – Рота опять строилась, чтобы пройти “сраную” сотню метров до казармы.

Возле казармы нам приказали ещё раз метнуться наверх, чтоб забрать свои котомки и рюкзаки, и, положив в них умывательные, отнесли их на дневное место хранения, располагавшееся возле трибун спортгородка. Затем мы на время несколько раз оделись и разделись и без перекура строем пошли на завтрак.

Завтрак не опишу, так как, памятуя вчерашние мамины пироги, утренние дела с зарядкой аппетита не нагнали. И только вернувшись с завтрака к казарме, мы в первый раз с начала дня получили разрешение на перекур. Щедрость за все прегрешения непомерная, если учесть, что окружающие нас ополченцы постоянно маячили перед глазами с сигаретами в зубах. Нет, они тоже курили в назначенных местах, но их распорядок дня и занятий был менее насыщен и даже щадящ.

Наш перекур не остался незамеченным, и мы тут же попали в окружение сочувствующих. Они нас откровенно жалели, но думаю, что многие и завидовали. Однако обстоятельства их жалости я вновь подтянул под тему побега из десанта.

В один из спортивных перерывов моё отделение оказалось возле сидящего на скамейке старшины.

– Почему у нас всё время такая спешка? – задал я вопрос.

– Чтоб достойно умереть! – Старшина сделал паузу и пристально посмотрел на нас. – Понимаете, бойцы. Срок для выполнения поставленной задачи в тылу противника не превышает 45 минут, а потом – смерть или плен.

То, с каким достоинством он это говорил, меня взяло за душу. Ужели и мне вот так вот придётся легко говорить о смерти, которую я оплакивал всё своё детство?!

– После того, что мы наделаем, всё равно смерть. – Он опять сделал паузу. – Наша основная задача – уничтожение засекреченных командных пунктов и ракетных шахт противника. Согласно временному регламенту, от посадки в самолёт до выполнения боевой задачи должно пройти не более одного часа пятнадцати минут. Понятно, смертнички?! – Он поднялся и отошёл.

Я комментировать не стал, пусть думают сами. В моменты небольших перекуров к нам подкатывали волны вышедших из окружения, их можно было назвать так, потому что после обеда личный состав разноцветных сержантов полностью терял интерес к своим подчинённым и те, дабы не нарушать установленный порядок, двигались по территории мелкими бесформенными кучками.

Но была ещё одна команда, лишённая самостоятельности, – это Морфлот. Распространённый стереотип, что в Морфлоте должны быть все рослые, себя не оправдал: парни из этой команды были почти такие, как и мы. Нас различало два обстоятельства – их решимость уйти из дому на три года и меньшее рвение к спорту, но большая жадность до единообразия. Они даже, как коровы на отдыхе, смотрели в одну сторону! Мы как-то почти всё время находились друг против друга, и, как в отражении зеркала, наблюдали за их действиями на плацу, спортгородке и даже в столовой. Вот только зеркало было кривое и ленивое. Видно их старшины тянулись в своей исключительности за нашими сержантами, но напора у них было меньше.

Не обошлось и без курьёзов. И вот, в очередной раз отвисев на перекладах, мы на какое-то время остались бесхозными, друг против друга. И сам по себе начался диалог между командами с приколами и подколками:

- Эй, висельники, в штаны не надевайте, когда прыгать будете! – вырвалось из их стана.
- А вы не утоните, когда будете грести в своих корытах! – парировал один из нас.
- Мы не утонем, мы плавать умеем! – заявил новоявленный Нахимов.
- Говно плавает, а моряки ходят! – предвосхитил ржание грубый голос из наших рядов. На этот аргумент у морячков слов не нашлось.

После обеда мы были выстроены с голым торсом перед казармой, чтоб устроить конвейер. Нас расставили по одному на каждый пролёт лестницы, один стоял возле входной двери и два – в расположении. По команде офицеров, находящихся в расположении, этот механизм заработал чётко и без сбоев. Первый из призывников общался с комиссией, второй ждал, как только первого отпускали, и он оказывался на лестничной клетке, в расположение входил следующий. Лестница пополнялась новым из общего строя, а первый возвращался на своё место в строю. Забежав в расположение, мы останавливались возле двери и ждали, когда будет вызван следующий.

- Следующий! – прозвучал голос прапорщика.

Я побежал по проходу в сторону огороженного одеялами просторного закутка. Там располагалась кровать, несколько стульев и тумбочка, которая сейчас служила письменным столом.

– Призывник Куделин по вашему приказанию прибыл! – Я вышел на середину импровизированной комнаты и остановился.

- Подойди ко мне, – сказал худой офицер в белом халате.

Я сделал шаг навстречу и остановился возле него. Незамысловатыми движениями он проверил мой кожный покров, попросил открыть рот и высунуть язык, заглянул в глаза и, поставив боком, продавил живот. Затем проверил пульс и сказал: «Хорошо».

– Повернись ко мне. – Я повернулся на голос. Сзади меня сидел майор. Его глаза улыбались. Спокойным голосом он спросил: «У тебя есть причины, по которым я должен тебя забрать в Десант?»

- Так точно! – Моя нижняя губа слегка натянулась и стала немного поддёргиваться.

- Спокойно, выдохни и докладывай. – Майор улыбнулся губами.

- Я прыгал с парашютом.

- Сколько прыжков?

- Три.

- Спортом занимался?

- Так точно, боксом, второй юношеский!

- Почему не взрослый?

– Хотел быть лётчиком. – Я понимал, что для решения моей судьбы надо быть откровенным.

- Что помешало?

- Военком!

– Понятно. – Майор не стал вдаваться в подробности. – Объясни, почему ты себя зовёшь Гришей, когда ты сам Саша?

- Я открыл широко глаза, но отвечать было надо.

– Занятия боксом не позволяли носить длинные волосы. Поэтому ходил с короткой причёской. Сначала звали Котовским, а потом я заставил уважительно называть себя по имени отчеству.

- Понятно. Ты, значит, Григорий Иванович, а для своих – Гриша?!

- Так точно!

- Ну а сержантов зачем избил? Это явное неповиновение, которое карается трибуналом!

- Я никаких сержантов не бил. – Скромности мне было не занимать.

- А кто?

– Не знаю, товарищ майор!

– Сейчас я на твоём деле поставлю резолюцию «в ВДВ не годен», и тебя переведут на второй этаж, а там ты доблестно будешь доказывать, бил ты их или не бил! Понял?!

– Так точно, я сержантов не бил! Ночью мне пришлось наказать двух мародёров, но они мне не представились.

– А почему утром не доложил?!

– Так ведь наши же победили! – сказал я, заметив, что майор снова улыбается.

– Ладно, иди.

Я сделал пол оборота в сторону импровизированных дверей и вышел. Сердце моё бешено билось.

– Следующий! – громыхнул голос прапорщика.

И я вдруг вспомнил, где я его слышал. Именно его голос породил тот бешеный поток утреннего подъёма, который выкинул меня на улицу, где я и проснулся.

Я спускался вниз, когда мимо меня стремительно поднималась следующая четвёрка претендентов. Она полностью состояла из Вторых нашего автобуса.

– Ну как?!

– Ну его на хуй! Я сказал, что нагрузки у них велики, и вообще с парашютом я прыгать боюсь.

– А они?!

– А они сказали, что водители в армии тоже нужны. У них есть договорённость с автобусом, кто им не подходит – всех туда сольют! – Я врал, как на уроке в пятом классе.

...Дело в том, что врать я научился с малых лет. Врал всегда и много, но делал это настолько профессионально, что окружающие даже и не подозревали. А если за редким исключением меня ловили на вранье, я элементарным приёмом выходил сухим из воды. Секрет был прост: «Я пошутил!».

Но в шестом классе произошёл переломный момент. Информацию, которая выдаётся за действительность, надо постоянно запоминать и преподносить порциями, как порошок пациентам, и ни в коем случае порошки нельзя перепутать. В тот день учительница биологии, в очередной раз начав философскую беседу о сути вещей в природе и обществе, сказала, глядя на меня: «Самая трудная судьба у людей, которые врут. Их память вынуждена работать на износ для запоминания всех причудливых ходов воображения. Намного проще говорить правду, она всегда на поверхности и за ней в глубины памяти нырять не надо!».

Уже с урока я вышел прямолинейным и правдивым человеком, но не стоит забывать, если ты когда то что то умел, то навыки остаются навсегда...

Четвёрка неудачников, удовлетворённая моим быстрым разъяснением и позицией, двинулась наверх, а я, понизив проходной бал в своё будущее, радостно подпрыгивая на ступеньках, спустился вниз.

Тем, кто прошёл собеседование, разрешили одеться и перекурить. Курилок на территории не было, но существовали традиционные места курения. Одним из таких мест был угол нашей казармы, куда мы и отошли. Парни все были на подъёме, только некоторые, молча выйдя из казармы, скромно одевшись, присаживались на скамейки и опускали головы. Чтобы мои Вторые при выходе из казармы меня не увидели, я отошёл чуть дальше за угол.

Мы делились вопросами, которые нам задавали, и по ответам изучали друг друга. Научившись говорить правду, вторым шагом я научился больше молчать и слушать.

Нет, я не молчун в своей компании, но и не говорун в кругу чужих.

Вдруг кто то, ухватившись за одежду, потянул меня назад. Я резко повернулся и принял открытую боксёрскую стойку. Противник и не подозревал, что в такой стойке я взведён, как затвор автомата. Передо мной стояли два сержанта из утреннего селевого потока. Один имел

погоны красного цвета – цвета его выпирающей гематомы, второй – погоны цвета его фингала под глазом – чёрного. Они решили принять со мной неравный, но для них праведный бой.

– Ты чё, сука, не понял, душара, что тебе не жить?! – кричал чёрный, отлетая от прямого удара в челюсть.

– Я тебя, тварь, с грязью сравню! – орал красный, падая на орошённую плевками и окурками отмостку казармы.

Я же, окрылённый тем, что уже десантник, всюду развивал наступательное движение. Пинать нас в боксе не учили, но и подниматься я им не давал. Они, как ваньки-встаньки, кружили возле меня. Когда после очередного удара в область плеча чёрный развернулся, я отвесил ему шикарного пендаля, который прорисовался в моём воображении ещё в первый день. Красному, поднявшемуся для очередной дозы, я врезать не успел – мою руку перехватил майор и резким ударом ноги в челюсть моего противника прекратил этот бой.

– Так, говоришь, не бьёшь сержантов?! В чем дело?!

Я молчал. Любой бой отбирает много сил, а тут – перенапряжение от собеседования, драка и попадалово на месте преступления – впору было расплакаться.

– Хорошо, поясните вы! – Майор обратился к парням, которые во время потасовки поддерживали меня мысленно. И те коротко, но в красках рассказали обстоятельства драки.

Подошёл наш прапорщик и увёл двух налётчиков в сторону штаба, а майор приказал всем членам моей моральной поддержки назвать свои фамилии, потом он записал их в блокнот старшины, оказавшийся у него в руках. Меня ж он в сопровождении сержанта приказал отвести умыться.

Я себя ненавидел – за два дня я намозолил всем глаза так, что впору было удалиться в монастырь. Я понимал, что ледяные сопки заполярного круга – вполне адекватная альтернатива монашеской рясе. Сержант скромно шёл рядом и как ни в чём не бывало насвистывал какую-то ненадоедливую мелодию. Меня брало зло на беззаботность этого трубадура: «С-сука, ему всё похуй! Он десантник! Ему наши тараканьи бега – забава, а мне – почитай вся моя будущая жизнь! Ужели всё же в мабуту? Не перенесу – подвяжусь сзади и приеду за ними прицепом, вот пусть тогда и выгоняют из своего ВДВ!»

Роту выстроили на плацу. Перед строем стояли майор, два капитана и прапорщик, справа от колонны стояли друг за другом старшина, сержанты и ефрейтор. Ветер раскачивал сосны, солнце, клонившееся к горизонту, готово было забрать этот неоднозначный день с собой – он не был нужен, так как растоптал все мои чаянья и обрёл на отлучение! День я начал ночью дракой, ею же он меня и проводил.

От штаба в сторону казармы шёл капитан и размахивал руками. Было очевидно, что он ругается, и вероятнее всего матом. Шедший перед ним чёрный сержант, истязаемый криком своего командира, вёл себя как расстреливаемый. Тело его постоянно дёргалось, словно изо рта капитана вылетал не мат, а шрапнель, бьющая его в спину. По мере продвижения к казарме сержант уменьшался в росте с каждым словом, с каждым шагом.

«Наверное, до казармы дойдёт чебурашкой», – подумал я. Воображения у меня всегда хватало: «Интересно, в заполярье я приеду весной или ещё зимой? Если зимой, то где оденут – здесь или там?! Это хорошо, что у меня теллага⁴, но, блин, плохо, что простые брюки – яйца б не простудить!»

Меня сильно толкнули в спину, и я снова оказался на плацу.

– Призывник Куделин, выйти из строя! – Майор явно был раздражён.

– Я! Есть! – Я без всякого задора проделал определённые манипуляции и вышел перед строем.

---

⁴ Теллага, телогрейка – стёганая на ватном утеплителе холщовая куртка.

– Призывник Куделин временно до приезда на пункт распределения назначается командиром первого отделения.

– Есть.

– Не есть, а служу Советскому Союзу, – с пафосом произнёс майор.

– Служу Советскому Союзу!

– Призывник Куделин, кругом, пять шагов вперёд марш!

Я повернулся к строю спиной и проделал пять шагов вперёд. Теперь я всё делал чётко и молодецкато. Зимняя стужа заполярного круга, не выдержав весеннего уральского тепла, испарилась.

Далее вызвали ещё одного призывника и приказали ему встать рядом со мной, так как он поступал под моё временное командование. И т. д. и т. п. Когда моё отделение было сформировано, из строя вывели следующего командира отделения и дополнили его подчинёнными. Так сформировали три взвода по три отделения в каждом. Всё это вместе называлось рота переменного состава 44 десантной учебной дивизии.

Когда формирование роты было закончено, на плацу стояло два подразделения – десантная рота и безымянное подразделение ополченцев повышенной боевой готовности. Часть ополченцев стояла, понунив головы, часть вытирала слезы, но были и те несколько безучастных кандидатов, которые стойко наблюдали за моей битвой с сержантами. Они плакали, как бабы, громко и навзрыд. Но мы уже считали себя Десантниками, и сентиментальность нам была не к лицу.

Форт Нокс

В пределах забора пересыльного пункта Егоршино постоянно шла работа по созданию донорских дружин. Основными агитаторами выступали младшие сержанты и ефрейторы, последних специально для этого и берут. Если младший командный состав, оставаясь непогрешимым в свете солнечного дня, обязан оберегать своих временных подчинённых, то ефрейтор, как родное сердце, мечется по части, чтоб зацепить за душу или потребность любого, кто обратится к нему или даже посмотрит в его сторону. Дело в том, что ефрейтор, как правило, промежуточное звание молодого, но расторопного бойца, а молодость в армии – это безграничное подчинение слабого успешным старшим. Их задача заключалась в постоянном контакте с набираемым пополнением.

В день приходило от трёх до четырёх автобусных колонн с разным количеством новобранцев, но смысл оставался один – их в этот день никто не ставил на довольствие.

После очистки за пределами части от привезённых с собой запасов на каждого наваливалась тоска. Но даже если нам и предлагалась скромная размазня в солдатской столовой, то её вид не то что аппетит, но и чувства вырубает на ближайшие три дня. Все лишены домашнего холодильника, вечернего и ночного бутерброда никто не предложит, даже чая пустого никто не нальёт. Остаётся уповать на деньги, зашитые в карманчик трусов, который примостила и укомплектовала заботливая мама. Но вот незадача, наличие денег придаёт уверенность, но не спасает от голода. В пределах забора нет магазина, зато процветает чёрный рынок услуг. Суммарный запас денег, зашитых в трусах и проходящих через пункт сбора, наверное, сравним с бюджетом Российской империи⁵ 1913 года!

---

⁵ Бюджет Российской империи 1913 г. – Пиком благосостояния Российской империи считался год вступления её в Первую мировую войну. На тот год экономика Российской империи была самой стабильной в мире, чем не преминули воспользоваться большевики, которые после Октябрьской революции мерили абсолютно всё по отношению к этому году. Знаете, было смешно, глупо и непонятно стоять в 1983 году в закутке какой-нибудь канторы и рассматривать плакат о достижениях одной из отраслей промышленности по отношению к соответствующим показателям Российской империи в 1913 году!

Главной задачей переменного сержантского состава был захват сферы влияния в момент прибытия призывников. Не факт, что призывник уйдёт со своей приписанной командой, в нашем случае семьдесят были лишними, а ведь и их не сразу перераспределили.

Десантники в этой области были самыми удачливыми. Красивые, ладные, успешные, независимые, они внушали полное доверие и располагали к себе всей душой. Непринуждённость в общении и постоянный личный пример, как лассо, обхватывает шею и тянет, как жертвенного бычка на закланье. Их манеры, внешний вид, такт в обращении гипнотизировали. Достаточно было попасться им на глаза, и воля теряла смысл, если ты, конечно, и так не был приписан к их команде. Кроме того, подтверждённая годами истина, что десантник – это машина по уничтожению голыми руками противника, действует безукоризненно.

По прибытии любого количества автобусов для формирования команд использовался имеющийся в распоряжении дежурного по сборному пункту состав временно приписанных сержантов. Без сомнения, лучших няnek прибывшим, чем наши десантники, не было. Всё происходило в точности, как я описываю, но есть и скрытые моменты жёсткой истины.

Для поднятия своей значимости цветные сержанты обязаны были с первых секунд наводить в рядах прибывших страх, чтобы затем управлять. И именно через этот страх и должны открываться поясные кошельки новобранцев. Нагнетание страха вокруг цветных поставлено на широкую ногу. И неважно, под чьё командование попадёт потом ополченец, главное, что он уже попадёт, обработанный страхом, как вошь дустом. Соломенная психика оторванного от сиськи призывника принесёт плоды уже этой ночью. Но и до ночи надо дожить!

Десантники никого не пугали, их и так боялись, но они брали отеческой любовью к ближнему. Из нашего автобуса все, не попавшие в мою команду, были безмерно преданны им за спокойствие, которым те одарили в первые минуты знакомства. Пример с наказанием Третьего вообще внёс в души прибывших неприятие частной собственности как средства индивидуального самовыражения. Не надо забывать, что территория одна, и подступ ко всем ополченцам, кроме нас и моряков, не ограничен. И стоит нашему сержанту остановиться возле кучки бесхозных рекрутов, как те с явным интересом начинают возле него группироваться, чтоб расспросить. Главное для этого момента – время. В основном, это полчаса до приёма пищи или сразу после него. Все приехавшие от стресса впадают в голодную панику, у них нет еды, а до завтра не покормят, или наполнение мисок не соответствует устоявшейся привычке. Сержант с достоинством рассказывает о трудностях службы в десанте, и он совершенно в этом откровенен, разве что в естественных потерях припишет двух трёх убиенных на месяц. Затем он произносит заветную фразу: «А вы кто, откуда?» После недолгих перечислений обязательно найдется земляк. И так как сейчас сержант не собирается идти на ужин (там кормят отвратно!), а пойдёт в магазин, то он может ему что-нибудь купить на пожарать. Это обстоятельство привлекает всех и перед сержантом из десанта открываются кошельки. Он просит земляка записать, у кого и сколько он взял денег. После небольшой бухгалтерской переписи он со списком и приличной пачкой денег удаляется в сторону штаба. Через некоторое время наши сержанты и ефрейтор удаляются в сторону населённого пункта. Ближе к вечерней проверке команда подразделения возвращается с небольшими котомками, набитыми печеньем, хлебом и сушками. Они спокойно разделяются и находят своих земляков. Те, в свою очередь, принимают содержимое сумок, после чего им поясняют, что именно в этой куче содержимое всех прилавков местного магазина, и если у кого то имеются сомнения, то он может пойти и проверить. Расчёт по сдаче сержант произведёт завтра, так как неотложные дела требуют его присутствия в подразделении его команды. Заложник ситуации, оставшись с пакетом мелкой снеди, как может, распределяет полученный провиант. Его компаньоны, не занятые в строю, всухомятку заедают мысль об утраченных деньгах. Стоит сказать, что мамы мелочью будущих защитников не снабжают, а дают достойные суммы достойными ассигнациями. Но, как правило, это две или три бумажки. Потеря одной бумажки удручала, но не окончательно – ведь оставалась ещё одна, а лучше две.

Конечно, находились и такие индивидуумы, которые на следующий день, подкараулив сержанта, бросались с вопросом: «А можно сдачу получить?»

– Ты, воин, о чём?

– Ну, мы вчера деньги собрали на магазин!

– Вы собирали – я принёс, и чего?!

– Ну, Володя, который вчера собирал деньги, сказал, что сегодня можно у вас взять сдачу!

– Воин! Ты не охуел?! Собирал он, а отдавать я?! Ты понимаешь, что за чушь ты несёшь?!

Продолжительность диалога зависела от расположения духа сержанта. Его в прошлом так же обобрали, он с этим прожил целый год, стреляя сигареты и докуривая чужие бычки. Сегодняшний успех – это его сдача прошедшему времени, и поэтому скорость расставания зависит от злобы, скопившейся в нём. Последнее слово оставит за собой сержант, он поступит так же, как он это помнит – просто замолчит, развернётся и уйдёт, а может даже вдавит кулак под ребро!

Сразу оговорюсь, смекалка собирающего деньги – это не пятно на роде войск и армии в целом, а коммерческая жилка, живущая в каждом из нас и позволяющая получать дивиденды, не прикладывая рук.

Ещё одна цель – вещи. Как правило, из дома все уходили в одежде на выброс, но были и шикари. Не понимаю, но эти шикарные мальчишки с претензиями на вкус одевались в новейшие ботинки, джинсы или костюмы, курткам можно было обзавидоваться, правда, их лоск сиял только до двери автобуса, а затем им хотелось затереться среди масс ополчения, чтоб не выделяться. Этому павлину скоро и доходчиво объясняли, что его вещи достанутся недостойному, а взамен он получит лишь только пыль из-под ногтей. После того, как тот соглашался, его быстро переодевали, причём источником подходящей одежды выступал сельмаг, а став как все, к нему терялся всякий интерес, и он от этого только выигрывал.

Смелость, смекалка и напор наших сержантов компенсировались ночными походами, которые устраивали сержанты других родов войск. Днём новобранцы все на виду, и работу чёрных старателей проводить неудобно. Зато ночь, которая в армии ярче дня, восполняла упущенные шансы. Даже если в расположении и находится ответственный офицер, ему всё равно требуется отдых. Дневальные по этажу всегда могут обеспечить подъём заинтересованного состава. Рота с благодарностью к прошедшему дню принимает команду «Рота, отбой!» и в течение пяти минут засыпает. Все мероприятия начинаются часа через два после отбоя. Это как раз тот момент, когда человек, слегка отдохнув, может снова бодрствовать. Если молодого солдата резко разбудить, не дав ему окончательно проснуться, с ним можно делать удивительные вещи. Уставший от дневного стресса организм включает блокаду сознания сродни коме. Человек вроде движется, говорит, но, по сути, он не отвечает за свои поступки, а главное, все его воспоминания сродни бреду. Это состояние длится не более минуты, именно в эту минуту его можно так напрячь, что, проснувшись, он будет полностью тебе подчинён. Такому не учат, до этого каждый старослужащий доходит сам, а демобилизуясь, уносит с собой. На его место встанет следующий экспериментатор и он обязательно добивается успеха. Но бывают редкие досадные недоразумения. Я вам об одном уже рассказал.

Наблюдая, как их потенциальных жертв обчищают успешные десантники, цветные младшие командиры ночью выбивают всё, что можно выбить, и утром основная часть новобранцев из казармы выходит чистая, как после химчистки. Конечно, некоторые не сразу поддаются химобработке, но их, как загашники, оставляют на чёрный день.

Выдавливание денег в Десанте сродни искусству, в этих войсках никто ни у кого ничего не отбирает. Жертву так разводят и окручивают аргументами, что она с благодарностью преподносит желаемое. Однако и здесь встречаются накладки.

Баня

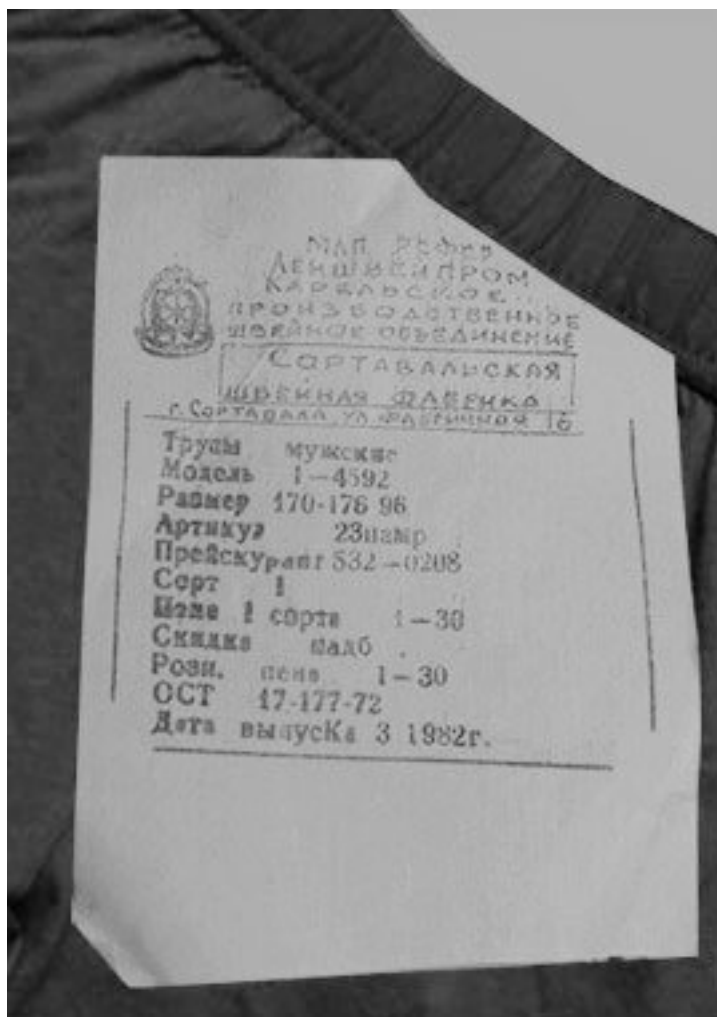
Влившихся в ряды десантных войск решили порадовать – сержанты повели нас в местную баню, которая располагалась в пределах населённого пункта Егоршино. Мы шли, повторяя обратный путь наших автобусов, но, пройдя площадь с сельмагом, требовалось свернуть в переулок, чтобы выйти к строению, называемому “Баней” – по сути, это была пристройка к действующей котельной. Точно всё не помню, но баня была, и нам разрешили в ней помыться. До начала помывки хочу отметить, что тот вчерашний одинокий путник, которому преградило дорогу Лужное озеро, добрался до намеченной цели и, свернувшись калачиком, мирно спал возле крыльца магазина. Я был искренне рад, так как его обречённый взгляд вот уже сутки преследовал меня при преодолении трудностей наших ратных начинаний.

Мы разложили свои вещи в небольшой, почерневшей от старости раздевалке и вошли в баню, сержанты мыться не стали, ссылаясь на то, что они это проделали вчера до нашего приезда. Зал помывочной был выполнен из старой, потрескавшейся керамической плитки, сиденья – из мрамора, с отбитыми краями, тапки ветхие, проржавевшие от времени, парилка – холодная, как и вода в кране. Времени на помывку было выделено сполна и даже слишком. Двадцать минут, определённые сержантом, сами собой спрессовались до двух: мы, как стадо голых дураков, ходили между кранами, заглянули в парилку и в недоумении стали возвращаться к своей одежде. Но я помылся, так как по примеру А. В. Суворова каждое утро принимал холодный душ. Со мной водные процедуры также приняли немногие моржи и Костя.

Вернувшись в раздевалку, я увидел большее количество шархающихся из стороны в сторону контуженых однополчан. Взрыв бесшумной мины, пропущенный мной, действовал выборочно: некоторые были вполне счастливы и быстро одевались, но многие тупо смотрели по сторонам, вышаривая что-то глазами, а это что-то было невидимо или быстро ускользало от их пытливых взглядов. Подойдя к своей аккуратно сложенной одежде, я обнаружил на ней синие трусы. Обыкновенные синие трусы, именуемые в народе парусами. Именно эти паруса носила вся тогдашняя страна и сегодняшняя армия, а многие и до сих пор используют их вместо ночной пижамы. Меня обдало холодом, я понял, где был зарыт заряд, взрыв которого породил контуженых: в их домашних трусах, аккуратно сложенных поверх одежды, были пришиты карманчики. И вдруг вместо этих разноцветных сейфов они обнаружили тёмно-синие паруса⁶, и то обстоятельство, что бельё было чистым, новым, с биркой – не успокаивало!

---

⁶ Тёмно-синие паруса – Вы только представьте грандиозность смекалки десантников!!! Двадцать восемь-тридцать трусов им обошлись в тридцать девять рублей! Пенсия в то время была целых пятнадцать... Хотя не удивлюсь если эта операция была задумана ранее и её провели по аналогии прежних призывов – тогда наши десантники прихватили их из части...

Мне повезло. Привычка, переодеваясь перед тренировкой, снимать штаны вместе с трусами, спасла мой сейф от поползновения террористов. Вот и сейчас свои штаны я заправил, не вытаскивая из них трусов.

Повезло и тем, у кого не было сейфа, а его деньги лежали просто так, по наглomu, в кармане.

– Поздравляю вас с первой баней и первым полученным вещевым довольствием! – Вошедший сержант сиял, как бриллиант.

Сам он стоял в проёме, и свет с улицы создавал вокруг него сияние ангела. Счастливая улыбка и откровенный взгляд обезоруживали.

– Служим Советскому Союзу! – Хор был не полон, с потерей ориентации у многих развилась немота.

– Товарищ сержант, а где наши старые трусы? – К одному из контуженых всё же вернулось сознание.

– Вещи личной гигиены, не прошедшие химическую обработку, подлежат уничтожению огнём. Вы пока парились, Федулов их сжёг в топке бани, – заявил дежурный ангел и, свернув свои перья, вышел на улицу. – Так, через две минуты строиться!

Все стали одеваться, я же в своё мокрое полотенце завернул новые трусы, а старые вернул на место – сейф ещё очень даже может и пригодиться!

Разрозненными кучками, чтоб не застрять в лужах и не утопнуть в грязи, мы отдалялись от старой бани. Её железная труба ржавой укоризной провожала нас в обратный путь. Ворона, почти пережившая весну, восседала на ней, озирая окрестности. Не думаю, что целью

её отдыха было желание подкоптиться в дыму спалённых трусов, так как кочегарку охранял ржавый, внушительных размеров амбарный замок.

По дороге назад нас остановили на каком-то пустыре и разрешили перекурить. Тут сержанты предложили сообразить на вино, чтоб отметить события – нашу приписку к ВДВ и первую помывку в бане. Но для этого следовало опять достать деньги! и, кто сколько сможет, скинуть в голубой берет Федулова. Конечно, за время пребывания на сборном пункте денег никто не разменял, но отказаться внести свою лепту было неприлично. Вот и полетели неразменные рубли в кошелек ефрейтора Федулова. После сбора подати один из сержантов и четверка наших товарищей двинули в сторону магазина. Я и многие контуженые в сдаче денег не принимали участия. Ко мне подступил второй сержант и, взглядевшись в глаза, спросил:

– У тебя эти хмыри! Что!? Деньги забрали!?! – Мы оба понимали, о ком идёт речь.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Нет. – Я не боялся играть в гляделки и, как и он, уткнулся в него.

– Неужели из дома не взял? – Он моргнул, но взгляда не отвёл, продолжая дуэль.

– Почему? Взял, и они при мне.

– А чё в котёл не сбросил? – с ухмылкой спросил он.

– Хватит с меня влётов, не хватало ещё и по этой мурзе залететь!

– А ты не дрейфь, мы прикроем!

– Я не боюсь, мне это пошло не в горло, хотите, пейте!

– Так ты откальываешься?

– Почему откальываюсь? Я с вами постою и даже в кружку налью, только травить себя не хочу!

– Так ты ж вчера пил, а сейчас чего выёбываешься?!

– Почему выёбываюсь? Просто не хочу! Хочешь, пей, а я не буду!

– А ты характерный! Смотри, трудно тебе будет!

– Будет трудно, потерплю – сильнее стану!

– Ладно, проехали. – Сержант отвёл взгляд и посмотрел в переулок, делегация ещё не вернулась.

В скором времени прибыл караван, нагруженный вином и водкой. Продукта было столько, что если б мы хоть по глотку отпили из каждой бутылки, то эта поляна стала бы нашей братской могилой. Дирижёра с нами не было, его списали на флот, но и сейчас в коллективе оказались умельцы даже посильней. На всех открыли примерно пару ящиков вина. Сержанты, отпив по глотку, пустили бутылки по кругу. Отхлёбывали все: и кто платил, и те, у кого на это мероприятие уже не было денег. Не пригубили только двое – я и ефрейтор Федулов. После импровизированного пикника многие, разместив непочатые бутылки за поясом, прикрыв верхним бельём, понесли их в казарму.

Ночью в наше расположение были приглашены все сержанты многоэтажной казармы. Десантники выставили на стол вино и водку, гости пришли с едой. Приготовления к дружеской попойке начались через час после отбоя, а само застолье развернулось ближе к полуночи, когда шорохи превратились в звуки.

Я пытался заснуть, но шумная возня из-под моих нар отгоняла чары Морфея.

Когда было выпито достаточно, разноцветные товарищи по несчастью, дважды побывавшие в бою, захотели побрататься с тем достойным, которому вдруг не единожды так повезло. Однако наш разумный старшина рассудил так: негоже духу за стол к старикам. Один из гостей почувствовал себя плохо, и Федулов в роли скорой помощи потащил того на второй или первый этаж. Однако вернулся он слишком скоро и сразу отозвал в сторону старшину. Я это видел, так как, устав от бесцельного лежания, сел и через отражение в окне наблюдал за событиями, разворачивавшимися в ресторане первого яруса и в проходах справа и слева от края нар. К выходу, куда позвал старшину Федулов, подтянулись наши сержанты, и пока они о чём-то совещались,

остальные разноцветные гости решили дважды выпить по полной. Как раз после второй раздался безапелляционный голос старшины:

– Ну, вот и ладненько, мужики, вы, я вижу, и на посошок уже сообразили. Это хорошо, а то нам пора расходиться, завтра отъезд, и день будет трудный.

– Не! Не, нет, Макей, кончай прикалываться, мы ж только сели! – В зале ресторана публика стала возмущаться.

– Мужики, мы вас уважили, уважьте и нас. Нам завтра в поход и силы стоит поберечь! – Голос его был мягким, добрым.

– Ну, ладно, ещё по одной и пойдём! – Коллектив поддался уговорам администрации.

– Не, мужики, всё не так. Мы сейчас перенесём вам эту поляну и продолжайте у себя хоть до утра.

– Хорошо, – уставшими голосами согласились приглашённые.

– Куделин, сползай сюда, всё равно не спишь, поможешь. – Старшина приподнялся на руках, облокотившись на край второго яруса, и посмотрел в мою сторону.

Я быстро встал и спустился, мне и самому хотелось немного размяться.

– Знаю, ты наш парень, и думаю, что ни при каких обстоятельствах своих не сдашь. – Я промолчал, так как сомневаться в этом причин ещё не было. – Вы с Федуловым спуститесь вниз и накроете стол, а мы приведём этих. Только давайте быстро, в темпе вальса. Задача ясна?!

– Так точно, – ответил я полушёпотом.

Все бутылки со стола, початые и те, что валялись под ногами и были пустые, запихнули в два рюкзака, которые Федулов позаимствовал у спящего пополнения. Все съестные припасы он аккуратно завернул в газеты и также разместил в прихваченные неподалёку котомки. С этим грузом мы спустились на второй этаж.

Расположение нар этого этажа было идентично нашему. Федулов уверенно пошёл по казарме в сторону, противоположную выходу, где любящие себя младшие командиры устроили индивидуальное лежбище. Войдя из освещённого лестничного марша в казарму, я потерял ориентир, и лишь силуэт ефрейтора, подсвеченный ночными окнами, указывал направление движения. Зато Федулов, словно кошка, видел всё. Он уверенными движениями принялся строить достархан на месте традиционного лежбища “морских котиков”. Мне было делать нечего, глаза уже привыкли к темноте, и я пошёл обратно, чтобы, спустившись, принести остатки провианта. Вернувшись в проход, напротив окна, где могло бы находиться моё место, я интуитивно посмотрел на него, и...

Все ужасы и страхи происходят не со мной, а с моим вторым Я – сознание само определяет, когда и как ему себя вести! Временами оно отделяется от тела и начинает оценивать ситуацию со стороны, правда, это происходит только в тех случаях, которые можно назвать закритичными. Вот и сейчас я даже не успел ничего понять, как моё сознание, оставив тело, принялось разбираться в событиях, которые произошли немногим ранее.

Тело, остановившись, стало присматриваться. Пред ним, словно зацепившись спиной за гвоздь, висел ополченец. В своём стремлении увидеть место приземления он неестественно выгнул шею и смотрел вниз, но ногам в этом затаянном прыжке не суждено было долететь до пола сантиметров десять пятнадцать.

Сознание спокойно посмотрело по сторонам, выглянуло за окно и только потом с явным запозданием стало рассматривать место происшествия. Первое, что оно увидело, – лужа, в которую стремился приземлиться ополченец. Тело, руки, ноги были расслаблены и свисали, словно листья клёна после дождя. Но загадкой оставалась надломленная в сторону шея и слегка надувшееся лицо, рот открылся, и из него неестественно далеко выпал язык, с которого, растянувшись, замерла тягучая слюна. Глаза были полуоткрыты.

И всё это висело на светлой узловатой тряпке.

Нечто мокро ватное наполнило всё моё тело. Что это?! Как назвать?! Как принять это чувство – тошнотворное ощущение смерти? – противное, жуткое, неопишное – с запахом говна!

Да! – простым запахом говна, который бывает от свежей кучки испражнений, наложенной где-нибудь в кустах или за углом человеком, так и не нашедшим достойного места, чтобы утолить свою нужду.

Тело не решалось сделать хотя бы один шаг в направлении прыгуна.

Зато Сознание стало рассматривать подробности события, а они были таковы: я узнал этого неудачника, узнал верёвку, на которую он себя подвесил, и маленький перочинный ножик, которым было разрезано полотенце, чтоб сделать эту верёвку.

Я медленно приходил в чувство, или, точнее, чувства возвращались ко мне. Бежать не имело смысла. Было не страшно, а просто мерзко. Чтоб не бросать товарища, я вернулся к Федулову.

Федулов закончил украшение стола и запихивал пустые бутылки под нижнюю полку нар. Делал он это медленно, чтоб не производить излишнего шума. Увидев меня с пустыми руками и одного, подошёл ближе и всмотрелся в лицо.

– Ты чё?

– Там!!! – вскрикнул я полушёпотом.

– Щас дам хуем по мозгам, – наш разговор был в полутоне, – трупиков не видел?! Висит себе и висит – тебя не трогает! Давай быро, двигай, и, **не задумываясь, соображай**⁷. Понял?!

– Понял. – Я развернулся и на полусогнутых ногах⁸, чтобы не шуметь, помчался в наше расположение.

Вторично пробегая мимо несостоявшегося бойца, моё сознание полностью вернулось на место. Выскочив на лестничную площадку, я нос к носу столкнулся со старшиной, ведущим двух ватных болванчиков.

– Как там? – Он испытующе посмотрел мне в глаза.

– Всё готово, стол накрыт и ждёт гостей! – Я не стал вдаваться в подробности. Мне было понятно, что старшина в курсе.

– Вот и отлично. Помоги убраться наверху и спать.

Сверху спускались наши сержанты, и каждый из них вёл двух “удачливых” командиров. Я вернулся в расположение и проследовал к месту сбора, схватил одеяло, которое служило столом, и всё, без остатка, завернул в него. За пределами бывшего ресторана находилось ещё четверо уставших посетителей. Когда я переносил узел вниз, навстречу поднимались наши сержанты.

– Одеяло не забудь вернуть, – сказал один, пролетая мимо меня.

– Нет, не надо, ты у них возьми, а это пихни куда-нибудь. Понял?

– Понял! – И наши поезда рванулись в противоположные направления.

В расположении второго этажа было размеренно тихо и душновато спокойно. Окна не открывались, так как комары в этих краях сродни летучим мышам, которые пьют кровь заснувших австралийских путешественников: к утру всё население будет обескровлено. Тишину нарушал только храп и предательское пощёптывание организмов.

На новом месте началось братание и прощание, меня и ефрейтора также втянуло в круг. Старшина настоял, и я для поднятия тонуса или для снятия стресса выпил две рюмки и удалился в наше расположение.

---

⁷ Соображать не задумываясь – образчик исполнительности десантника!

⁸ На полусогнутых – бежать не производя шума – устойчивое выражение в десантных войсках (солдатский сленг)

Проходя мимо знаменательного места, в полоске лунного света я заметил на полу предмет и поднял его – перочинный ножичек, подаренный самым тогда для меня успешным человеком самому неуспешному.

Я постоял в замешательстве – ножик мне не нужен. Старшина обратно его тоже не примет. Выкинуть? Но будет следствие, и они вспотеют от вопроса: каким образом было разрезано полотенце? Во мне проснулся деятельный майор Томин из сериала «Знатоки».

Томин спокойной походкой вернулся к месту происшествия и тщательно оглядел его. Окна стали пропускать тусклый свет нарождающегося дня. Звуки и запахи, чтобы не мешали, Томин выключил. Глаза старались не упустить ни одной, даже самой незначительной, детали. Аккуратно приблизившись, он принялся рассматривать место печального события.

Тело висит вертикально на самодельной верёвке, сделанной из льняного полотенца путём разрезания его на равные полоски, на месте перехода одной полосы в другую завязан двойной простой узел с целью усилить место разрыва, что говорит о продуманности поступка.

Верёвка одним концом закреплена с помощью петли и узла вокруг макушки вертикальной стропилы, которая является опорой для крепления ряда балок деревянных нар. Нары явно временные, так как выступающие части балок не выравнились для использования данного пиломатериала вторично. Конец верёвки закреплён на высоте до двух с половиной метров.

Вероятно, связав из разрезанного на полоски полотенца верёвку, самоубийца сделал две петли на её концах, один из которых он сначала одел себе на шею, а затем, сев на край нар, закрепил другой на выступающем конце вертикально поставленного бруса.

Смерть наступила от асфиксии, связанной с удушением самодельной верёвкой в результате прыжка со второй полки нар из положения сидя.

На месте происшествия обнаружен перочинный ножик с коричневыми накладками по бокам, лежавший у повешенного в наружном кармане куртки.

Томин спокойно протёр краем своей рубахи нож и положил его в левый карман куртки, который оттопыривали средства личной гигиены.

На пустом месте нар второго этажа, принадлежавшего повешенному, лежат очки. Более никаких предметов обнаружено не было.

Томин подцепил пальцами и вытащил из-под очков два листа бумаги, исписанных убогим почерком. Очки перевернулись линзами вниз, и их дужки устремились вверх, как рога троллейбуса. Осмотр места происшествия был закончен.

Возвращаясь в своё расположение, я свернул найденные листы и запахнул их в задний карман штанов, который застёгивался на пуговицу. Предсмертные мемуары читать было некогда и негде, интерес, конечно, был.

Я лежал и ворочался, сон не шёл. За окном посветлело. Вошли наши сержанты. Старшина посмотрел на меня, я сидел на своём месте, уставившись в окно.

– На, вьеби! – Он протянул мне сначала кусок отломленного хлеба, а затем початую бутылку водки. – Давай, и сразу ложись.

Сделав два полных глотка, заев их хлебом, я завалился на бок, и меня быстро накрыла неизвестность.

Письма

Писем я написал много.

Надежда Воронкова, именуемая мной в техникуме Джульеттой, появившись на проводах, произнесла в лицо пьяному призывнику: «Сашенька, если хочешь получать письма, то тебе придётся их и писать. Не думай, что на каждое твоё будет два в ответ, скорее, наоборот».

Я пустил по кругу записную книжку, которая вмиг наполнилась адресами. Родня, по желанию, вступила в переписку сама, но аудитория моей корреспонденции в принципе и ограничилась этой книжкой.

Писем было много, я не жалел пасты шариковых ручек. Взамен трёх строчек о своей службе я получал развёрнутый отчёт моего корреспондента, что наполняло жизнь значимостью, которая так нужна в армии среди обезличенных тел сослуживцев. Сейчас и впоследствии я буду приводить примерные тексты писем туда и оттуда.

Самые родные я берёг до дня «Ч»⁹, и их было много, и даже очень:

«Папа, мама и бабушка, здравствуйте!

Я знаю, что вы сильно за меня беспокоитесь, но со мной ещё ничего не происходит. Нас привезли в Егоришино. Тут вполне сносно, конечно, в воскресенье не хватает пирогов, я б сейчас съел с треской и картошкой. Здесь достаточно знакомых с Уралмаша и даже есть парни из техникума. Одним словом загораем и ничего не делаем. Следующее письмо пошлю, когда станет ясно, куда меня распределили. Мама, ты не волнуйся, здесь говорят, что всех кого отправляют в Афганистан, уже забрали и мне этот адский огонь не светит.

Целую Саю.

Привет Кузьминовым».

Отъезд

«Рота! Подъём!» – на долгие годы эта команда, как граница, разделила моё сознание на два противоположных мира.

Армейские сны не продолжают реалии дня, мгновенное погружение усталого организма стирает грань действительности, чтоб окунуться во вторую, “собственную” жизнь. Я помню, как летал без крыльев, слегка запрокинув голову назад, рейды разведчика в замке лорда и многое другое. Но никогда не помню границы самого перехода. Звучит команда, а она как выстрел при расстреле: пока летит пуля, все дела завершены – её касание и есть сам переход, и неважно, где ты потом окажешься. И тот и этот мир – твоя реальность, в которой ты дерзаешь, мучаешься, ждёшь, переживаешь. Правда, первый – логическое продолжение, а второй – набор неповторяющихся событий.

«Рота! Подъём!» – Команда звучит только раз, и повторят её уже на следующий день.

И тогда она прозвучала один раз. Все задержавшиеся безжалостно были изгнаны сержантами, а я, так и не вынырнувший оттуда, был единственным, получившим вместо затрецины лёгкое похлопывание по ноге.

Медленное пробуждение и осознание обстановки было ответом на стрессы предыдущего дня и этой ночи. Я поднял голову и увидел пустой ярус нар.

– Хватит тянуться, вставай, поговорим. – Снизу на меня смотрел улыбающийся старшина.

Я медленно сполз с нар и оправился. Спали мы в том, в чём ходили, только снимали обувь и носки.

С улицы доносились команды нашего прапорщика, строившего роту на зарядку. Я заглянул в окно: рота уже стояла с голым торсом, разложив свою одежду на скамейки. Единообразие было хоть и пёстрым, но почти идеальным.

---

⁹ День «Ч» – в армии это означает неизвестная дата начала событий (может будущих военных событий или войны).

– Равняйся! Смирно! Бегом! – По команде «бегом» все телами подались вперёд, каждый руки согнул в локтях и приготовился к бегу. – Марш! – Команду прапорщика приняли стёкла казармы, которые затряслись от единого марша ног.

Содрогание окружающего мира от поступи кандидатов в десантные войска было сродни удаляющемуся от станции паровозу.

Но перрон недолго пустовал, его начала медленно наполнять толпа из нижних этажей казармы.

– Сейчас начнётся. – Старшина стоял рядом и смотрел на медленно шевелящийся муравейник.

Меня удивляли его манеры, рассудительность, самообладание и постоянная готовность вступить в бой. Желания унижить младшего в нём не ощущалось – зачем, когда можно подчинить, чтоб управлять и направлять! Очень хотелось быть таким же, и было приятно стоять рядом, зная то, чего многие в это утро ещё и не ведают.

Снизу, из подъезда, начала выпираться толпа. Она вываливалась медленно, как-то лениво. Первые, сделав несколько шагов в сторону природы, останавливались и, ёжась от утренней свежести, засовывали ладони под подмышки. Они своими телами создавали как бы оборонительную линию, медленно увеличивавшуюся за счёт подпиравшего сзади пополнения, которое, выходя из ворот крепости, для освобождения места под солнцем, раздвигало и пополняло ряды застывших от утренней прохлады ратников.

Но, в один миг словно разряд тока пробежал через всю эту вытекшую через край кастрюльки кашу. Будто невидимая рука волшебника своим взмахом образовала проход от порога в сторону штаба части. Как волосы на проборе, от этого прохода отшатнулись и обернулись к нему все, кто уже вышел и в оцепенении застыл. И тут же, как из жерла вулкана, стали вылетать разноцветные младшие командиры. Один ефрейтор бросился в сторону штаба, за ним побежал другой, но его траектория имела некий градус отклонения в сторону столовой, вероятно, именно за ней и находилась гостиница для офицерского состава. Внизу поспешно стали выстраиваться ряды, сержанты не кричали, а скорее умоляли, чтоб всё их стадо привело себя в порядок и приняло пусть хоть неровный, но строй.

– Забавная вещь! Куда делись их смелость и гордость?.. Смотри и запоминай, воин, в чём разница между словами «служить» и «отслужить»! Они, козлы, себя защитит не могут, не то что о подчинённых подумать. Вот и погибают из-за этих пидоров наши парни в Афгане!

Я перевёл взгляд с осадного войска на старшину и внимательно, пока он не обращал на меня внимания, посмотрел: его лицо напряглось; челюсть съехала вниз, и щёки проявили небольшие впадинки; губы сжались, а глаза, обретя цель, сузились до размера смотровых щелей. Казалось, миг, и он из-за спины выхватит большой ленточный пулемёт и начнёт очередями поливать сверху вниз, выцеливая испуганно дрожащих командирчиков, что так недавно бравурно тут пировали...

– Ладно, хватит сантиментов. – Он отошёл от окна и внимательно посмотрел по сторонам.

Я также обежал взглядом ряды наших нар.

– Давай ка сейчас приведём всё здесь в порядок. – Старшина присел, склонив голову, и посмотрел под нары. – Там, в дальнем углу есть швабра с тряпкой и ведро. Сначала шваброй прометёшь весь этот проход и мусор соберёшь в ведро. Сверху на него кинешь тряпку и пойдёшь за водой. Принесёшь воду и начнёшь мыть с этого прохода. Понял?

– Так точно! – Я вернулся на землю.

Выметая из-под нар грязь, я обнаружил там море окурков и даже порванную серебряную цепочку с небольшим крестиком. Цепочку и крестик положил в карман, а остальной мусор сгрузил в ведро и накрыл тряпкой.

Спускаясь вниз по лестнице, в пролёте между первым и вторым этажом я встретил крупную делегацию офицеров, спешно поднимающихся наверх. Мне пришлось вжаться в угол, чтоб их пропустить. Последним поднимался прапорщик, похожий на медведя.

Медведь остановился и прорычал: «Чего несёшь?!» – Он взял меня за локоть и усилием руки заставил поднять ведро до уровня своих глаз, в результате чего вместо его головы я видел только ведро.

– Тряпку несу! – Рука от сильного сжатия стала быстро неметь, и в ней зашевелились мурашки.

– Зачем тряпку несёшь?! – Не ослабляя хватки, он медленно опустил руку, чтоб посмотреть мне в глаза.

– Старшина приказал в расположении вымыть полы! Тряпка грязная, а ведро, чтоб воду принести! – Его лицо ума не отражало, поэтому пришлось говорить, как с иностранцем, громко и бестолково.

Хватка усилилась, и мурашки, сдохнув от недостатка кислорода, пропали.

– А ты с какого этажа? – Он возвышался надо мной и размерами своего тела, как ширмой, заслонил меня от внешнего мира.

– С третьего, товарищ прапорщик! – Его взгляд потух, рука разжалась, и, резко повернувшись в сторону ушедших офицеров, он быстро поднялся на этаж.

Я продолжил свой путь в сторону умывальника, где, помогая непослушной левой рукой, промыл тряпку, выкинул мусор и наполнил ведро.

Сняв с себя верхнюю одежду и оставшись в майке, я осмотрел болевшую руку: посреди плечевой кости, по кругу, остались красные следы от хватки прапорщика; отдельной зарубкой был впечатан ряд от его широких ногтей.

– Медведь! – подумал я, глядя на будущий синяк. – Блядь, попади такому под руку, разметаёт в клочья!

– Товарищ призывник, разрешите обратиться! – Передо мной стояли трое из нашей роты.

– Обращайтесь! – Я уже не воспринимал это как игру, так как вчера целый день нас учили этикету в ВДВ.

И их обращение ко мне означало одно: я теперь их начальник, а они у меня в подчинении.

– Старшина Маковецкий приказал передать, что вы заступаете дежурным по роте, а мы в ваше распоряжение – дневальными.

– Очень хорошо, берите ведро, пойдём мыть полы.

– А что там стряслось?

– А хуй его знает. – Я не стал опережать события.

Толпы ополчения вышли на плац и начали корчиться в судорогах. Эти конвульсии они называли зарядкой. На дальнем краю плаца, подальше от глаз, была сходка их пастухов. Они нервно курили, смотрели в сторону казармы и молчали. Неизвестный физкультурник, привлечённый из ополченцев, встряхивал руками и нагибался до земли. Все пробовали однообразно повторять его движения, но это опять походило на сильно штормящее море. Его серый вид дополняли порывистый ветер и суета, происходившая возле подъезда казармы. Нужно было вернуться в подразделение, чтобы выполнить поставленную задачу, но как неохота было это делать!

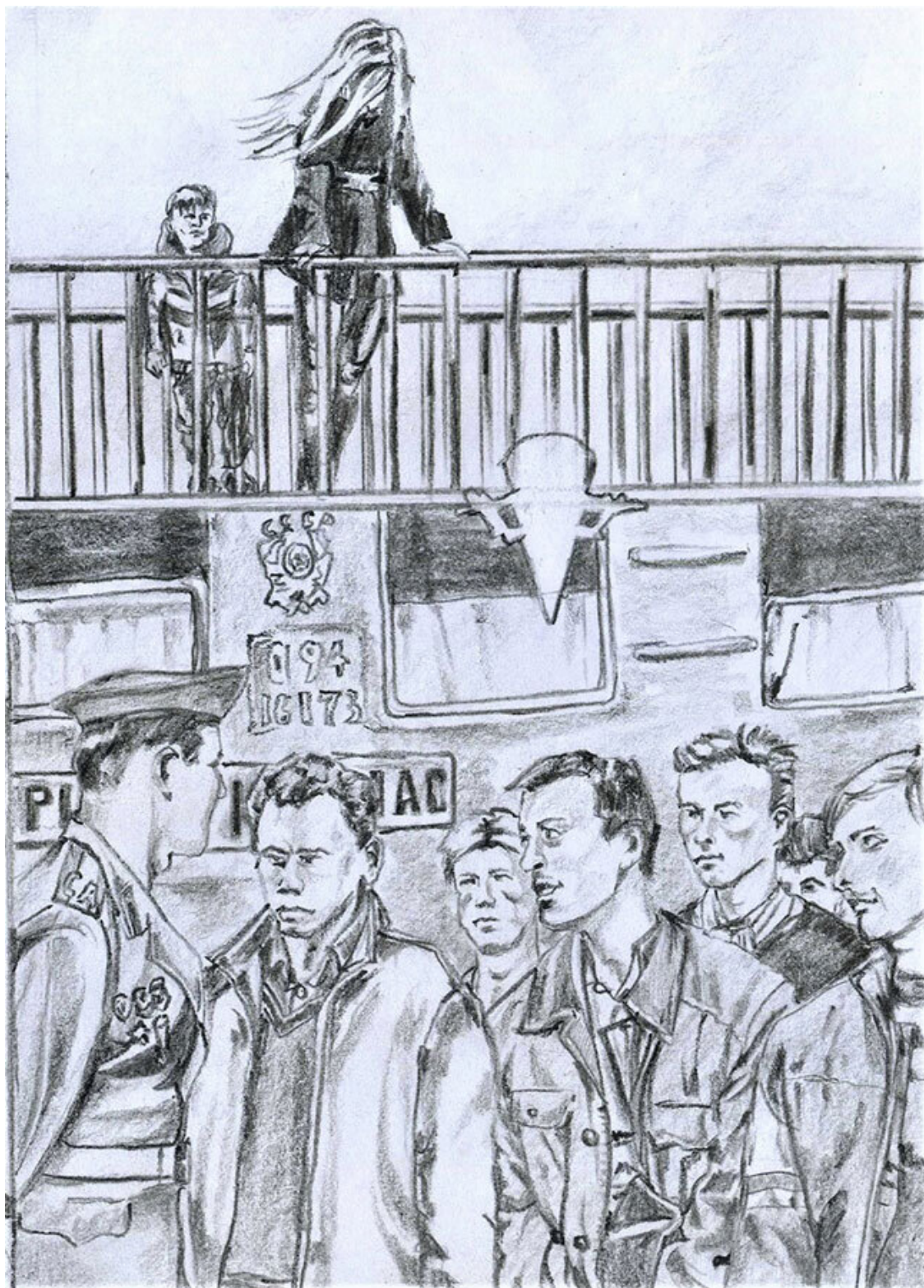
– Пошли! В колонну по одному! – Мои сослуживцы выстроились в колонну, один взял наполненное водой ведро, другой – тряпку, я пристроился к ним сбоку, и мы проследовали в расположение.

С той минуты, с первым шагом этого небольшого строя родился новый командир. Не знаю, был ли это подарок судьбы или восхождение успешного воина над массой неуспешной толпы – судить не мне – Вам.

Мы шли своим маленьким строем вдоль бушующего моря, ветер трепал ещё не остриженные волосы – служба для нас уже началась.

Мы сполоснули расположение, затем получили в столовой порции хлеба, масла и сахара. Задач в этот день было много. Вечером часть сформированных подразделений должна была убыть к месту своей дальнейшей службы. К ним относилась и наша рота. Видимо, чтобы не опоздать, нас сразу после обеда повели на станцию, где до прибытия поезда мы провели несколько часов.

Под ругань майора с призывного пункта и мат офицеров часть призывников нашей команды была обменена на ополченцев со второго этажа. Конечно, парней было жалко – они всем видом и даже слезами выказывали своё недовольство решением какого-то начальничка, но появление новых личностей компенсировало наше часовое стояние. Из всех новых меня заинтересовал один – Пьер Безухов из фильма Сергея Бондарчука «Война и мир». Тот Безухов, который самостоятельно пошёл в сторону будущего сражения. Огромное сытое лицо, неокончательно облысевшая голова, выдвинутый вперёд животик, сальные руки. На перроне его провожала красивая стройная жена, ребёнок лет шести и тётца. У его родственников не было возможности находиться возле наших выстроившихся вдоль вагонов рот, и они поднялись на железный переход. Я оценил всю щедрость его жены, которая позволила заглядывать ей под юбку, чтоб только самой проводить дорогого ей человека. Она в моём понимании – красавица, а он – неполноценный урод. Позже я узнал его возраст, но зачем было жениться, родить, растить ребёнка, чтоб потом идти в армию? Не понимаю!

Поезд

Наконец, к перрону подали пассажирский состав. Его направления не помню, но то и неважно: во время пути нас неоднократно прицепляли и перецепляли к разным поездам. Вагонов было пятнадцать, и только шесть из них предназначались для гражданских. Ежедневно в каждом вагоне назначались дневальные команды. Всё по-взрослому, вернее, как в армии – суточный наряд из трёх дневальных и дежурного по вагону. Дневальные стоят в тамбурах и

следят, чтоб никто из новобранцев не выходил на перрон, не открывал дверей и не переходил в другие вагоны. Курилкой был назначен тамбур возле конечного плацкартного купе. Весь состав новобранцев едет в плацкартных вагонах, и только один вагон купейный – в нём небольшой контингент новобранцев, я, Костя, Пьер Безухов, ефрейтор Федулов, два сержанта, старшина Леонид Маковецкий, прапорщик, два капитана и Майор. Уже во время пути одно купе освободили для старших офицеров, сопровождавших мабуту. Нам с Костей достались места в последнем купе, но перспектива ехать возле курилки и туалета меня не устроила, и поэтому я просто зашёл в купе номер семь и объявил, что вот эти две верхние полки будут наши. Изгнанные мной новобранцы, без словесного поноса и самоутверждения, обречённо поплелись в последнюю купе. Проводница предложила бельё, и ради комфорта я разменял свой первый рубль.

Совершенно неожиданно на время движения меня назначили завхозом роты, а точнее, каптёром. С молчаливого согласия майора это решение озвучил прапорщик. Он вообще с первых минут нашей с ним встречи всё время присматривался ко мне, словно примерялся. Под мою опеку попал весь провиант роты и офицерские пайки – основной задачей было следить за справедливой раздачей припасов, чтобы харч оставался подконтролен и его хватило на весь путь. На каждого выдали по три коробки сухого пайка, что соответствовало трём дням армейской жизни.

Свою первую должность я принял с радостью: во-первых, я был избавлен от праздного прозябания на полке вагона, во-вторых, можно было познакомиться ближе с каждым из роты, и, в-третьих, с голода точно не помру.

Сухпай подвезли на грузовике, и его следовало принять и распределить между призывниками, но при этом не забыть про офицеров и, главное, не обидеть сержантов, уважение к которым возросло до стана богов.

К моменту отправки мне уже было почти наплевать на собственную семью, так как желание быть вот таким, как они, героем зашкаливало, отвергая все прежние устои и предрассудки! И если б перед самой отправкой нам дали бы задание перегрызть ближнему глотку, то без сомнения, учитывая потерю половины, все без исключения справились бы с этим заданием. Но к счастью, ВДВ калек не принимает, отсеивая их на дальних рубежах, стараясь заглянуть каждому в душу. Правда, жизнь и армия делают поправки, которые вам доведётся увидеть самим.

Вся ехавшая в нашем поезде мабута раздала коробки их правообладателям прямо на перроне, отделив остатки для сопровождающих их командиров, но мы пошли другим путём.

Наши командиры о чем-то громко спорили с комендантом распределительного пункта, сержанты занимались личным составом, а Федулов и я должны были принять и распределить пайки. На всякий случай я спросил у старшины, кто из нас старший, и он подтвердил, что принимает ефрейтор, а отвечать мне. Подойдя к машине и остановившись в стороне, я принялся наблюдать за получением провианта. Требовалось принимать большие коробки, в каждой из которых находилось по двенадцать коробочек с набором сухого пайка.

Возле борта машины стоял Медведь, след от хватки которого уже принял фиолетовый оттенок. Он отсчитывал стоящие вдоль борта выдаваемые коробки, ласково дотрагиваясь до каждой своей огромной ладонью, но его обманчивая нежность распространялась только на те из них, которые ещё не покинули пределы машины. Как только товар оказывался в руках принимающего – его интерес угасал.

Сейчас груз принимал сержант с красными погонами. Он стоял с другой стороны кузова напротив прапорщика и делал вид, что тоже считает, хотя после посещения нашего ночного ресторана до мух ему дела не было. Почти все выдаваемые коробки были вскрыты, но попадались и запечатанные. Два новобранца, быстро сменяя друг друга, подхватывали по две и размещали их недалеко от машины.

Времени сообразить было достаточно, и я обратил внимание, что две коробки в руках одного и того же ополченца весят по-разному.

– Если я за это отвечаю, то и принимать буду я!

От таких слов Федулов опешил и принял воинственный вид: «Ты чё, дух, уже борзеть начал? Я тебе сейчас эту коробку в задницу запихну!» – Он наехал на меня, как КАМАЗ на Запорожец¹⁰.

– Может, ты мне и запихнёшь, но только вытащишь её из своей жопы, так как я принимать у тебя не буду. Денёк попыжишься, а потом станешь кормить всех своей молочной грудью, а, верней, отдашь своё и будешь сосать хуй! – Страх перед этим десантником не было. Хоть он и скрывал от нас свой год службы, я нутром чувствовал его кисельную неполноценность, скрытую под обличем формы десантника. Но завидовал даже ему! – Хочешь, принимай сам, а я пошёл.

– Стой! – Я уже отошёл на пять шагов в сторону перрона, когда он, приняв решение, окрикнул.

Я вернулся и отвёл его в сторону.

– Ты не дрейфь и просто прикинься дураком. Если этот зверюга попробует на меня наехать, просто пошли меня за командиром роты. Поверь мне: этот дутый кабан не страшнее белки! – Мои слова вселили в его доблестную грудь веру в победу. А если учесть, что сейчас управляло Тело бездуховное (вернее, даже и не солдат), то ему вообще не пристало быть ударным об асфальт.

Мы вернулись к прилавку, а там уже нацелилась на получение провианта другая команда ополченцев, но это не входило в мои планы.

– Ни хуя, сейчас наша очередь! – Я протиснулся между открытым задним бортом грузовика и очередным сержантом, который также оказался красным.

Сержант попробовал запихнуть меня обратно, но, встретившись взглядом с Федуловым, отступил. По негласному табелю о рангах любой десантник, отслуживший полгода, да и не только, старше любого младшего командира других родов войск. Федулов в звании ефрейтора для него был всё равно что генерал. К тому же моя наглость понравилась прапорщику, и тот, чуть придержав слова, процедил: «Цыц, пусть дёсант получает!».

Пехота, поникнув головой и отведя в сторону глазки, отошла на перекур, чтобы подглядывать за нашим получением пайков, а поучиться было чему.

Из глубины машины вышел солдат замухрышка, по виду и манерам второго года службы, но уж больно худой: щеки впалые, руки тонкие, словно он не служил, а пребывал в Освенциме. Это был один из негодников¹¹, приписанных к продовольственной службе гарнизона. Он принялся подносить и ставить ящики друг на друга. Медведь думал, что я, схватив, буду относить их в сторону и там ставить. На этом, по его сценарию, передача провианта должна была быть завершена. Затем Федулов поставит отметку в накладной, что получил, а командир подразделения потом распишется.

Ровно было на бумаге, но забыли про овраги!

Солдат ускоренно выносил и ставил вдоль открытого борта коробки, по две друг на друга, а я мирно стоял и ждал, когда их наберётся в достаточном количестве. Два ряда накопились быстро и замуровали собой амбразуру кузова. Прапорщик был скор на руку, а не на ум. И как только до него стало доходить, что моё замешательство породит ещё одну плотину ДнепроГЭСа, проявив нетерпение, гыркнул: «Ты чего, воин, стоишь?! Хватай и носи! Тебя зачем здесь поставили?!».

Он подался телом в мою сторону, и я, памятуя его недавнее прикосновение, отпрянул: «Сухпай принимать?!» – Я принял стойку послушной собачонки, вот только хвоста у меня не было, чтоб им помахать. – Сколько надо принять, товарищ прапорщик?

---

¹⁰ Запорожец – маленькая, громкая, тесная машинка, выпускаемая в Советское время

¹¹ Негодник – Солдат, не годный к полной строевой службе.

Он заглянул в свои бумаги и, не поднимая глаз, ответил: «С офицерским паем девяносто шесть коробок».

– Есть девяносто шесть!

Когда прапорщик оторвал глаза от своих бумаг, он обомлел: считая вслух, быстрыми движениями я начал снимать с машины и откидывать на асфальт коробки, заклеенные по стандарту, а те же, что были открыты или слишком легки, я, как толкатель ядра, отбрасывал назад в кузов.

– Ты чё, блядь, творишь?! – взревел он.

– Я принимаю сухой паёк по количеству коробок без проверки содержимого! – От испуга и для придания решимости я перешёл на крик.

– Не понял, ты чё, молокосос, охуел?! Ты чё себе позволяешь!!! – Понизив тон до свирепости, он развёл в стороны руки и стоял, выпучив глаза, не зная, что предпринять.

– Если хотите, можем принимать и по содержимому, а нет, то пусть командиры принимают! – И я, пока прапорщик соображал, повернулся к ефрейтору. – Товарищ ефрейтор, позвать товарища майора?

– Зови! – Федулов сам был не готов к такому повороту событий, но с ранее намеченного не свернул.

– Есть! – Я стал быстро удаляться в сторону группы спорящих с комендантом офицеров.

– Стой! – проревел прапорщик и сделал два шага в сторону Федулова. – Вы чё хотите?! – почти прошептал он.

– Мы пришли принять сухой паёк, и мы его примем! – Ефрейтор правой ногой отступил на полшага назад и присел в колене на левую ногу. Руки его проделали незамысловатые движения, чтобы принять исходное положение для рукопашного боя.

Медведь остановился и принялся медленно соображать, затем он поднёс к своему носу накладную, туповато посмотрел в неё, повернул голову в сторону офицеров, которые, сделав перерыв в споре, обратили внимание на недоразумение, возникшее возле машины, и отступил назад.

– Вы чё вылупились? Пошли отсюда на хуй, я пошлю за вами, когда с этими закончу! – Прапорщик позорно прогнал наших конкурентов, и те, не возмущаясь, удалились на значительное расстояние, но их интерес к процедуре приёма не упал.

Далее всё происходило почти по-честному. Я принимал только запечатанные коробки, а те, которые мне не нравились по весу, откладывал в сторону, открытые или запечатанные не заводским способом вообще не рассматривались. В результате штук тридцать нам собирали из разных и даже закрытых коробок, но по весу неполных. Внутри большой коробки размещалось 12 коробочек с самим сухим пайком. Одна коробочка – один день жизни солдата.

Сухой паёк – это: одна пачка из четырёх чёрных, твёрдых, как камень, сухарей; пачка из девяти галет, пресных и твёрдых, как деревяшки; одна банка тушёнки; две банки каши с мясом; маленький ключик, завёрнутый в инструкцию¹² по открыванию им банок; сахар, чай и, может что то ещё, но оно несущественно. В офицерском сухпае есть сгущёнка, правда, она маленькая, но бывает и шоколад с печеньем.

Мы приняли свой сухой паёк, и я быстро стал штабелировать коробки. Федулов, сделав отметку в накладной, резво удалился в сторону нашей роты.

– Ты, сучёнок, долго так не проживёшь, я в армии двадцать лет, и такого гада ещё не видел! – Прапорщик смотрел на меня с ненавистью. Если б мой пост не был бы на виду, то не сомневаюсь: эти слова были б уже моей посмертной епитафией.

---

¹² Инструкция по открыванию банок. – Смешно было смотреть на эту бумажку, которая в картинках и словах поясняла действия над совершенно понятным предметом.

Конечно, было не очень комфортно находиться рядом с ним, но этот бой я выиграл не ради чести, а ради себя самого. Час назад прапорщик нашей роты мне доходчиво объяснил: сухой паёк выдаётся из расчёта одного полного дня, а сегодняшний ужин останется в аттестатах как съеденный в столовой сборного пункта.

– И не забывай, что не факт, что нас довезут за трое суток! – сказал он с нотками наставника.

Считать я умел и предположил, что в армии возможен вариант – три равняется четырём с половиной, поэтому стоило принять бой, чтобы не увеличить эту пропорцию. Вскоре человек десять из нашей роты стали перетаскивать отвоёванные коробки в вагон.

Я был счастлив: моё первое поручение не будет омрачено невозможностью его исполнения, и от чувства самоудовольствования потерял бдительность. На землю меня вернул, вернее, приземлил смачный пинок прапорщика, который я получил под зад, и короткое мгновение был лётчиком грузовой авиации. Правда, приземление смягчили последние две коробки, которые я решил отнести сам.

– Это тебе на добрую память! – услышал я прощальный рык Медведя.

Память моя хорошо зацепила это посвящение во взрослую жизнь.

Спасибо тебе, мой озлобленный зверь – этот урок был нужен, чтобы в будущем не совершить ошибки, стоящей одному свободы, а другому – жизни.

Многие, не поимев подобного общения и не вынеся из него зерна знания и понимания, превратились в бурном море служебных будней в щепки, которые бросает из стороны в сторону пока не прибьёт к берегу или пока не потонут, набухнув от невзгод и трудностей армейской действительности!

Весь полученный провиант был перенесён в купе № 3¹³, которое через двадцать минут превратилось в склад – на спальных полках размещались коробки с продуктами по их родовой принадлежности. Во время следования в пути я проявил определённую смекалку, выдавая на четырёх человек на один приём пищи по две банки каши и одной банке тушёнки. Тем самым была достигнута экономия, которая позволила продержаться пять дней пути. Голодно не было, просто ещё не привыкшие к холодной и твёрдой пище желудки долго не принимали эту еду, а для перекуса я всем выдал по пачке галет¹⁴.

Солдатские галеты прекрасно утоляют голод, если ты к ним привык, а также успокаивают аппетит, если ты их ешь впервые. Одним словом, все были сыты и накормлены, чего нельзя было сказать о других новобранцах нашего поезда.

Мы ехали долго, муторно, жарко, холодно и душно. Сержанты собирали деньги, чтоб вместе с нами пить водку, которую заботливая проводница предоставляла по первому требованию. Офицеры закрылись в купе и не выходили из него, мы же совершенно не ощущали их присутствия.

На остановках не выпускали, но добрые граждане, встречавшие поезда и провожавшие своих близких, услужливо бегали по нашим поручениям – в основном просили принести сигарет или купить в пристанционных буфетах парочку тройку куриц, которых мы с остервенением рвали зубами, чтобы потом тщетно стараться их прожевать. Куриц в то время явно выращивали на резиновой подкормке, от которой эластичность их плоти была идентична велосипедным шинам.

К слову сказать, с нас денег за принесённые продукты и сигареты никто не брал, от этого было как-то неловко, но каждый вестовой, как правило, говорил: «Бери на здоровье, денег не надо, побереги, ещё пригодятся. Вырастешь – поймёшь». Мы хватали дополнительный харч и ныряли в купе, чтобы за столиком молча его уничтожить.

---

¹³ Чтобы места для хранения хватило, всю ненужную упаковку выкинули.

¹⁴ Галета – С виду похожа на печенье, по вкусу – сродни опилкам, но голод утоляет конкретно.

Историй о собственной жизни хватило на день, анекдоты протравили за час и поэтому все пребывали в праздном безделье. Интересовало одно – как там в войсках, в десанте, в учебке? Иногда в купе заныривал сержант и рассказывал невероятные вещи про десантирование машин, о том, как трудно служить и как его друзья по учебке воюют в Афганистане, и мы мечтательно примеряли всё это на себя.

...Эта поездка делала историю, которая, вписавшись в наши сердца, никогда не забудется! Чего стоила только встреча со спортсменом, жившим в нашем купе, который имел четыреста прыжков с парашютом!!! Его опыт просто давил, заставляя кулаки чесаться, чтобы доказать и свою состоятельность. Но только назначенное сержантами братство не давало внести в пьяные мысли и коллектив раздор и мордобой.

И знаете, я потом горько пожалел, что тогда за гордость его неуёмную не набил розгу этому хилому мастеру спорта, убившему впоследствии своего командира взвода, понадеявшись на собственную исключительность!...

В то время я уже виртуозно расправлялся со стаканом водки и мог безболезненно переварить литр, чувствуя с утра лёгкую потерю здоровья. Большие количества меня не прельщали, и потребности в них не было, но среди нас находились и профессионалы, которые знали, что такое опохмел!

Вечером, сделав распоряжения своим помощникам по раздаче провианта, я в составе нашего купе позволил себе немного выпить – закуской выступала общественная тушёнка, запивали остуженным чаем. Конечно же, мы всем вагоном перезнакомились и перебратались. Парни напились в хлам, а я в первый раз позволил себе не вести меня до точки и выпил не более стакана. Ответственность если и не трезвила, то останавливала на дальнем подступе к потере рассудка, и потому пьяные уговоры на меня не действовали. Я залез на свою полку и попробовал прочитать посмертное послание неизвестного героя, но шум не позволял сосредоточиться, и я, свернув листы, положил их в оставшиеся от изъятого паспорта корочки. Во время движения строем до станции, при долгом стоянии перед погрузкой в вагон я пробовал рассуждать о поступке нашего Третьего, но скоро пришёл к выводу, что Четвёртых природа не держит и уничтожает сама.

Утро следующего дня почти все встретили с барабанной дробью в собственных висках, и организованного завтрака не получилось. Я своим помощникам, а ими оставались те три дневальных, что накануне были назначены мне в подчинение, приказал раздать на каждых четырёх человек по три банки каши и по одной пачке сухарей, но только малая доля этого провианта была уничтожена. Через час эта тройка вновь прошла по вагонам, чтобы собрать несъеденный провиант и вернуть его на продовольственный склад.

Утро первого дня принесло восемьдесят процентов возврата, обед – пятьдесят. Положение с питанием переставало быть критичным, и если учесть, что о реальном запасе тушёнки могли предполагать только товарищи в погонах, а знали лишь я и Костя, то жить было можно. Вечер первого дня пути для роты наступил почти сразу после обеда. Сержанты в очередной раз занесли водку в купе старших командиров и проследовали вдоль наших вагонов с целью, собрав немного денег, опохмелиться всем личным составом. Те немногие спортсмены, которые принципиально не принимали её, проклятую, живо назначались старшими над кем-нибудь или ответственными за что-нибудь. Вы, наверное, представили хаос? Нет, хаоса не было, а был пусть и пьяный, но железный армейский порядок. Во время следования одно купе освободили и в него заселились офицеры от разноцветных войск. Их сержанты иногда появлялись, но сокращали свои визиты до минимума. Для связи с личным составом цветных возле купе стояли двое посыльных из числа ополченцев. Посыльные поочерёдно менялись, но были и преданные этому посту, упорно отказывавшиеся его покидать.

На третий день пути у меня с одним из них состоялся откровенный разговор, который длился часа полтора под стук колёс, рыдания и сопли. А мне это было надо?!?

Окруженцы

Я постоянно ссылаюсь на цвет. Цвет в армии, как жюпа мандрила павиана: успех самца этих обезьян – это, в первую очередь, яркость его боевого окраса на морде и заднице. Кто, хоть раз побывав в зоопарке, помнит вдумчивое выражение его лица? Никто! А вот жюпу рассмотрели все и даже на память её сфотографировали.

Если приглядеться, армии всех стран мира по сути своей – хвосты павлинов, но без этого обойтись нельзя. Ведь если не будет альфа самцов, то к чему стремиться обычным самцам рода? Соревнование и стремление к главенству прошито в нас самой природой. Глядя на десантников, пехота становится варягами и готова сметать города. Присутствие любого воина из элитного подразделения делает невероятное: от одного только нахождения на стрельбище откомандированного прапорщика десантных войск показатели по стрельбе на точность увеличивались с тридцати до восьмидесяти пяти процентов у солдат первого года службы!

Чёрнота, краснота, зелёные, голубчики или голубки – все эти армейские прозвища определены цветом парадных петлиц, а оттенки назначаются по роду или виду войск, которые легко узнаются по эмблеме на той же петлице. Если у солдата цвет петлицы чёрный – Чёрнота. Но на чёрной петлице железнодорожных войск прикреплена эмблема, которая включает в себя крылья самолёта, морской якорь, молоток и итангенциркуль. Как, скажите, можно назвать подобное сочетание! – подводная авиация?! Не знаю, как в других войсках, а в десанте вся Чёрнота без явно представленного образа их рода войск называется – Мабутой. Пусть лингвисты определяют корень данного слова, а для меня и для вас это аксиома. Особым уважением в десанте пользуется пехота, её так и зовут – Пяхота, «я» в корне слова вставлена для ударения на слог и подчёркивает решимость вести позиционные бои. В этом «Я» весь потаённый смысл желаний – на их эмблеме венки из ветвей кустарника или дерева и звезда нескромной величины. Одним словом, «Сизю в кустах и жду героя». Петлицы красного цвета, но краснотой (ударение на первое «о») их не называют. К Красноте относятся все остальные эмблемы на фоне красной петлицы. На чёрной петлице танк – танкисты, а вот внутри своих войск всех, кто занят на бронетехнике, кличут – Салыра (буква «а» в слове обязательна, а ударение на «я»). По мере расширения кругозора я буду вам расшифровывать скрытый смысл слов и названий.

Посыльный ополченец из мабуты зашёл в мой склад после возврата несъеденных продуктов утром третьего дня пути. Население наших вагонов стало более отзывчиво относиться к потребностям своего организма, но всё равно утреннее похмелье снижало аппетит и позволяло увеличивать запасы продовольствия. Во мне проснулся маленький хозяйчик, которого так виртуозно сыграл Лев Дуров в фильме «Бумбараш». Я понимал, что все мои запасы конечны, конечна и должность, но ничего не мог с собой поделаться. Мне нравилось быть начальником и нравилось складировать невостребованный провиант.

– Саня, разрешите войти? – Он стоял в створе дверного проёма.

– Тебе чего? – Было неприятно, что отвлекли от подсчёта богатства.

– Ты меня не помнишь? Я учился с вами в техникуме в параллельном потоке.

Я взгляделся в лицо, но в этом мальчике не увидел своего однокурсника. Он был настолько зависим от обстоятельств, которые вынудили его стать вечным посыльным, что изменения, произошедшие с ним, исказили некогда приятные черты.

Эта мысль пришла чуть позже, а сейчас я его не узнал.

Я действительно воспринял его как мальчика – испуганного, ищущего участия и покровительства, а манера говорить одновременно и на ты, и на Вы подчёркивала его сиюминутную

неуверенность. Он походил на немца, взятого в плен под Ельней в декабре 1942 года, которых часто показывают в хрониках той войны.

– Ну, заходи, гостем будешь. – Я не считал нужным долго держать дверь открытой.

– Саша, у тебя есть что поесть? – спросил мой нескромный гость и заплакал.

Такой поворот событий был неожидан. Я без лишних вопросов достал с полки для чемоданов банку тушёнки и открыл.

– Ложка есть? – Я протянул открытую банку, в которой сверху ровным слоем лежал белый жир, прятанный под собой куски тушёного мяса в желе.

Он, не прекращая рыдать, стал правой рукой доставать из-за пазухи ложку, но левая уже обхватила мою руку и тянула банку на себя.

– Да успокойся ты, я же даю, а не забираю!

Он не мог успокоиться, рыдания его перешли в откровенную истерику и я, поставив банку на стол, усилием второй руки высвободился. На этом же столе стоял стакан с остывшим чаем, который я буквально влил в его горло.

Сделав определённое усилие, он проглотил и замолчал. Освобождённой от банки рукой мальчик вытер лицо и стал похож на Ваньку беспризорника из фильма «Судьба человека» – такой же маленький, доверчивый, зависимый.

– Давай ешь! – Сердце дрогнуло, и меня впервые накрыли отцовские чувства. Этот мальчик вмиг стал родным, появилась потребность его защитить.

Я подал ему сухарь и сел напротив. Он же команду «ешь» воспринял как «Тебе десять секунд, не сожрёшь, заберу!».

Жир я всегда удалял с поверхности и приступал к поеданию желе, лишь потом переходил на мясо. Этот же голодный человек начал есть всё сразу и подряд. Я поднялся и достал ещё три банки тушёнки – две поставил на стол, а одну начал открывать. Он благодарно следил за моими действиями, и скорость поедания медленно пошла на убыль. Вторую банку он съел тоже быстро, но вот третью решил загурманить и потянулся за сухарём.

Уже зная коварство солдатских сухарей, я взял освободившийся стакан и вынырнул за дверь, чтоб принести кипятка и заварить чай. Прямо перед дверью стоял следующий вражеский окруженец. Сообразив, что его тоже нельзя оставить без внимания, ибо если покину свой склад, тот может податься в мародёры, я сделал шаг назад и подцепил с полки две банки каши, которые мне даже не пришлось протягивать. Он понял мой жест правильно и, схватив эти банки, ринулся в запретный тамбур, куда разрешено было выходить только проводнику и офицерам.

Эта история с голодными немцами мне переставала нравиться, но, вспомнив, что банку без ключа не открыть, я, прихватив ключ, пошёл за кипятком.

Пока стакан лениво наполнялся казённой жареной водой, дверь в тамбур приоткрылась, и из-за неё выглянула озабоченная морда побеждённого врага.

– На! – Я протянул ему открывалку, и тот, как Паниковский из «Золотого телёнка», быстро схватив её, исчез за дверью.

«Ну и дела!» – Я представил, что в дальних вагонах на полках лежат и корчатся опухающие от голодухи бойцы разбитого на голову врага. Мурашки побежали по телу. Это следует обсудить с Лёней, чтоб подготовиться к осаде оголодавших окруженцев.

В купе мой беспризорник сидел и икал. Я поставил перед ним кипяток и сыпнул немного крапинок чая, достал сахар и бросил пять кусков. Он, продолжая икать, осоловевшим от сытости взглядом смотрел на моё нехитрое приготовление тонизирующего напитка. Замешав чай, я положил на стол пачку галет, тот, разорвав полиэтиленовую упаковку, вытянул одну, которую со знанием дела окунул в чай. Иканье как-то враз прекратилось, и у меня появилась возможность его разглядеть – он не сопротивлялся и просто молча пил чай, заедая галетой.

– Ну, рассказывай. – Я откинулся и приготовился выслушать душераздирающую исповедь.

Мой гость провёл ладонью по губам, опустил на колени руки, выпрямил спину и начал с напряжением повествовать. Говорил он много и вразнобой. Картина рисовалась удручающая. Я приведу этот рассказ, но расставлю всё в хронологическом порядке.

В дверь кто-то поскрёбся, я её открыл, на пороге стоял осмелевший Паниковский.

– Вы меня извиняйте, у вас сахарку не найдётся? – В руках он держал жестянку из-под каши, которая в данный момент исполняла роль стакана, а ручкой у этой чашки была вскрытая не до конца и отогнутая в сторону крышка.

– Ты начинаешь быть навязчивым! – проворчал я.

Он быстро сообразил, что сделал неоправданный поступок, и стал ретироваться, произнося слова извинения. Я сунул руку в коробку с сахаром и протянул ему в зажатом кулаке несколько кусков. Он, продолжая извиняться, принял моё подношение и удалился в сторону купе проводника.

«Папа, мама и бабушка, здравствуйте!

День назад нас посадили в поезд и повезли в Литву. Интересно, какая это страна. Сержанты попались хорошие, они за нами ухаживают. Парни незадиристые, так что, мама, будь спокойна, драться мне ещё не довелось, да тут и не подерёшься, мы всё время на глазах у сержантов и офицеров. Кормят до пуза, тушёнки завалились, чай проводница носит чуть ли не на подносе. Теперь напишу по приезду.

Целую.

Привет Кузьминовым».

«Валера, привет!

Пишу из вагона, поэтому почерк, как бык поссал. В общем, меня забрали в десант. С поступлением в училище не получилось. Не знаю, по какой причине, но военкому вдруг показалось, что в армии офицеров более чем достаточно. Сука! Теперь из-за этого козла целый год потеряю. Маме не говори, что я в десант попал, она и так переживает. Давай её потихоньку подготовим, а потом расскажем.

Обнимаю жму руку, твой брат Саша.

P.S.

Я бы ей и сразу рассказал, но у неё сердце, а после учебки говорят, берут и в Афганистан. Если сейчас рассказать, будет удар, а промолчать, то вдруг что случись – для неё это тоже будет непоправимо. Давай повременим с моим назначением. Потихоньку сам расскажу».

Монолог мабутного ополченца

Старослужащий – любой солдат, отслуживший более тебя с разницей не менее полугода.

Перевод – инициация одного посредством физического воздействия каждого, кто причастен к принятию решения о достоинстве твоего возвышения в негласном табеле о рангах срока службы.

Душара – солдат, название основного рода деятельности солдата в воинском коллективе. Душара (от слова «дух») – это означает «тело, не обретшее дух».

Духарить – производить действия по выполнению своих обязанностей, связанных с обеспечением беззаботной жизни старослужащих.

Сроки службы остаются всегда: пропорции постоянны, сущность их неизменяема. Изменение действительного срока службы и сейчас оставило всю периодичность, сохранило названия, уменьшив только их размеры.

Срок службы (своего рода ранг в таблице негласных рангов солдат срочной службы и не только...) – промежутки основного срока службы, разделённые пропорционально. В силу традиций части, рода войск или даже самой армии срок службы может содержать более мелкий промежуток. Промежутки названий не имеют, так как они относятся индивидуально к каждому солдату. Во время прохождения службы, переходя из одного промежутка срока службы в другой, солдат обретает прозвище, которое ассоциирует всех, кто в этот момент приступил к несению службы на данный отрезок времени. Одним словом – в десанте первые полгода ты Тело, но в срок до присяги тебя называют Духом. Каждый срок службы пользуется определёнными привилегиями и возможностями по отношению к другим срокам.

Вначале тебя лишь нарекают Телом, но с момента принятия присяги к солдату прикрепляется линейка периодического роста. Каждый последующий период начинается с момента твоей инициации. Жаргонно это называется Перевод.

Перевода удостаиваются только те, кто полностью подчинил себя системе армейской периодичности, которая в армии равна тюремным понятиям. Отступление от них сродни нарушению воровского закона, что карается соответствующим образом. Именно по этой причине в нашем обществе те, кто служил и сидел, находятся в равновесии жизненного опыта и уважаемы в равной степени почти всем населением на территории бывшего СССР.

После перевода, который в обязательном порядке должен затронуть твоё тело и подчинить душу, ты имеешь право называться прозвищем соответствующего периода службы. Индивидуальные прозвища весьма редки, но клички, отражающие черты носителя, вполне приемлемы, и всё же многие проходят армию под номиналом собственной фамилии, а это зачастую не звучит гордо!

На стадии Перевода происходит отсечка достойных и недостойных, борзых и лояльных, а также «Опускание» до стадии Третьего, которому уже никогда не стать Первым. Смысл этого «Опускания» вы ещё не готовы понять, но он ясен до тошноты, отвращения и неприятия сущностью человека!!!

Я не ошибся, мы с ним были едва знакомы. Пять лет назад он вместе со мной посещал подготовительные курсы для поступления в техникум, но и тогда был в другой группе. Он не поступил, так как не набрал проходного балла. Но в нашем городе есть последний причал для умнейших из тупейших. Все, сдавшие экзамены, но не прошедшие по конкурсу, оказываются в Мукомольном техникуме (сейчас он колледж, но от этого положение дел не меняется). Он и воспользовался этим причалом, а назваться моим однокурсником его принудили голод и то плачевное состояние, в которое его привела двухнедельная жизнь в Егоршино.

Лёша прибыл в Егоршино 17 апреля. Его команда формировалась в основном из нерусских со слабым знанием основного государственного языка. И по этой причине она впитывала в себя особых отщепенцев, которых не могли себе позволить воспитывать другие войска – у них нет для этого ни времени, ни средств. Если думаете, что это стройбат, то вы ошибаетесь! В стройбате нужна не только сила, но и умение, а значит, присутствие маломальского интеллекта обязательно. А простое тело нужно в понтонёрах. В инженерных войсках есть подразделения, которые наводят понтонные переправы. Конечно, машины там о-го-го какие, но машине нужен водитель, а остальное – обслуга: подкрась, подмажь, натяни, подкрути, зацепи. Я утрирую, но тот контингент, который они принимают, на большее не годится. Однако и этой массой предстоит управлять, а потому с перспективой роста до сержанта берут русских – а вот тут уже качество их интеллекта должно быть выше среднего, но ниже того, что выше. Для этих целей как раз Мукомольный техникум то и подходит.

Вот Лёша и ещё четыре его однокурсника поехали в далёкие дали покорять водные преграды нашей страны с перспективой вернуться домой в звании сержанта и тем самым снискать почёт и уважение дворовых дам.

Так как чисто русских парней в их команде было мало, то на них, как на самых понятливых, свалились все наряды и невзгоды, связанные с обеспечением их сержантам кайфовой жизни. Есть поговорка: «Бей своих, чтоб чужие боялись!» Как раз это с ними и происходило.

Нерусский с плохим знанием языка, например, казах, чуть что: «Я твоя моя не понимаю!» и замыкается в себя. Тут нужен пример. Всё элементарно! Возле автобусов, во время проверки пополнения, к запрещённым вещам относятся зубная паста, мыло и даже зубные щётки. Пополнение ведут в баню. Прикол с трусами – ноу хау десантников. После бани всех приводят в магазин, где каждый должен купить себе зубную пасту, щётку и мыло. Глупость? Возможно! Но при покупке все деньги из потайных мест перебазируются в карманы.

Как всё просто!

Вот теперь их и можно отбирать. Вечером новичков этой команды загоняют в угол казармы, где без объявления причины избивается русский. Когда ему, избитому и стоящему на коленях, кричат в ухо: «Сука, быстро все деньги сюда», он достаёт их все без остатка. Всё, первый готов! Отдавая деньги, он защищает себя и свою жизнь, но его порыв остальными принимается уже как команда. И деньги отдаются всеми безропотно!

Конечно, есть вероятность, что некая часть денег будет всё же утаена. Не беда, всё равно в часть все приедут пустыми! Бьют с умыслом и только по телу, чтобы на лице не оставалось кровоподтёков. Я вспомнил, что мне часто попадались новобранцы, которые шли как-то боком или слегка согнутыми – это как раз те, кто попал в правиловку.

Жизнь второго и первого этажа до определённого момента для меня была безразлична. Всё происходит ночью. Днём сержанты отсыпаются, а ночь – это их день. Каждый младший командир требует от своего подразделения в знак уважения его новых временных друзей сержантов проставить на стол бутылки две водки. Причём за ними бежать не надо, он сам, как “душара”, сбегает и принесёт. Правда, ему нести никуда не надо, водка и так уже в подразделении. Её добыли при досмотре или купили в магазине во время похода в баню. Если сержанты десантники ни к чему из нашего не притронулись, а водку и вино принародно передали офицерам, то цветные, обнаружив алкоголь, старались оставить его в сумке контрабандиста, но сумка тут же бралась на заметку. Также там оставались и достойные интереса деликатесы. В результате наши глупые десантники от щедрот своих питали себя сами, правда, за наши деньги, а цветные паразитировали на всём.

После пьяного застолья, как правило, начинался концерт. Его организовывали сами ополченцы. Их таланты выявлялись тоже возле автобуса простым вопросом: «Кто-нибудь играет на гитаре? А кто поёт?» Наивные новобранцы! Они думают, что, ответив откровенно, обретут беспечную жизнь. Нет, этих музыкантов и певцов примечают и, как заморских канареек в дорогих клетках, везут в часть, где те будут в течение года по ночам давать концерты, а днём нести неустанную службу. Наряды для них будут по роте, они, несчастные, не узнают, что такое чистка картошки на батальон и две преданные вашей столовой отдельные роты, их пределом станет казарма и страшнейшая пытка недосыпанием. Но самодеятельность не ограничивается только музыкальным репертуаром. Среди солдат всегда найдётся кто-нибудь с хорошо поставленным голосом или отменный говорун, а тех используют как радио, в передачах «ночная радиокнига»; народная мудрость в коротком рассказе (травля анекдотов на всю ночь). Талантов много и всем им найдётся применение. Но особым спросом пользуются художники. Их бриллиантовый блеск до сих пор хранится в дембельских альбомах, которые имеет почти каждый, кто, отслужив, вернулся домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.